

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

Траектории СПИДа

книга первая
НАСТЕНЬКА

Евгений Николаевич Бузни

Траектории СПИДа.

Книга первая. Настенька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29610360

SelfPub; 2018

Аннотация

Это первая книга романа из четырёх книг, который повествует о молодой москвичке, в благополучную жизнь которой врывается человек, поломавший всю дальнейшую судьбу наивной мечтательной натуры, каждая глава жизни которой становится трагедией, не смотря на помощь близких и друзей. Действия романа происходят на фоне драматических событий восьмидесятых-девяностых годов прошлого века в СССР. Трагедии Настеньки и трагедии страны идут параллельно, переплетаясь иногда, увлекая читателя в сложный мир переживаний, как за судьбу девушки, так и за судьбу государства. Обе судьбы оставлены в романе незавершёнными, ожидающими продолжения.

ВСТУПЛЕНИЕ

До начала этого удивительного повествования хочется сделать пару небольших примечаний к названию романа.

Вступая в эту историю, я ощущаю себя, пожалуй, так же, как если бы, находясь в открытом океане в воде рядом с пустой, но спасительной лодкой, наконец, решился отпустить руку, державшуюся за борт, чтобы теперь самому плыть в неизвестность, пробуя силы. Как только рука разжата, сразу понимаешь, что изменить уже ничего нельзя, поскольку лодку мгновенно относит в сторону, а сам ты, погрузившись почти с головой в зеленоватый тёплый соус океана, постоянно колышущийся какой-то неведомой силой, оказываешься с ним один на один без какой-либо опоры и уж вынужден плыть во что бы то ни стало, плыть пока есть силы, плыть в надежде добраться до берега, который пока не виден, но обязательно есть в какой-то стороне.

И вот как я доплыву, а что доплыву, не сомневаюсь, и как выберусь на сушу – то ли меня выбросит взбученной волной и опрокинет на скалы, то ли выкатит на ласковый жёлтый песок – этого я совершенно не знаю.

И второе примечание не менее важное. Со словом "СПИД" я впервые познакомился давно, ещё тогда, когда оно имело для меня, как и для многих, лишь одно английское значение – в переводе с английского это слово означает "скорость". Есть, правда, и другие значения, но это главное.

Впервые приехав в качестве переводчика в Африку и

разъезжая по африканской саванне в лэндровере, мне часто приходилось просить водителей то увеличить, то снизить скорость движения в зависимости от обстоятельств и потому естественно употреблять выражения, относящиеся к слову "СПИД" – "скорость".

Однако где-то в 1984 году, находясь опять-таки за границей, правда уже в Азии, мне стало попадаться на глаза в советских газетах, которые мы получали хоть и с опозданием, но регулярно, слово "СПИД" на русском языке, но с очень зловещим смыслом. Оно, к сожалению, не имело моего любимого значения "скорость", являвшегося всегда основой моей стремительной, боящейся остановок, жизни, а напротив, грозило всем непонятной и, кажется, незаслуженной остановкой по причине откуда-то взявшегося на голову бедного человечества непознанного наукой синдрома приобретенного иммунного дефицита, обозначенного акронимом СПИД.

Очень скоро мне не стало казаться случайным это совпадение названия страшной болезни и английского слова "скорость", ибо распространение болезни, соответствуя значению его английского эквивалента, шло по планете с огромной скоростью.

Но одновременно со СПИДом – болезнью в нашем любимом обществе – Человечестве с большой буквы – рождались другие болезни не менее жестокие, не менее разрушительные, но развивавшиеся и развивающиеся поныне с ещё боль-

шей скоростью, но по своим собственным законам, то способствуя собой развитию других болезней, то своей жестокостью отвлекая временно внимание от других, может быть чем-то менее жестоких болезней, но никогда не устраняя ни одну из них. Если бы можно было построить на бумаге графики их скоростей, то траектории были бы совершенно разными, но со множеством точек соприкосновения и пересечения. Вот что меня беспокоит.

Однако в путь. Лодка отпущена, а берег ещё, ой, как далеко. Поплыли же.

МОСКВА 1987 ГОДА

После обеда, ближе к вечеру, погода обещала оставаться хорошей. Светило солнце.

Летом тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года предатели ещё не предали открыто своих кормильцев, казнокрады и взяточники, волею случая попавшие в тюрьмы, ещё не знали, что скоро выйдут из них и возьмут своё сторицей, будущие тысячи и миллионы торговцы на улицах ещё не знали отчего у них чешутся руки и скрежещут зубы, Ельцин не стал пока господином и не успел ещё услышать в свой адрес поднявшей его популярность фразы Лигачёва "Ты не прав, Борис", которая расхохотала тогда многих, но по сути была пророчески верной, Ельцин тогда ещё только готовился выступить против Горбачёва, который тоже не успел к тому времени раскрыть все свои перестроечные карты, и потому великая могучая страна просто не могла знать о готовящихся

ся катаклизмах и по-прежнему верила, что их партийный и государственный лидер Горбачёв действительно собирается осуществлять именно то, что, размахивая руками, любил провозглашать прилюдно то с трибуны съезда, то остановившись будто случайно на улице какого-нибудь центра индустриального региона. Так что в пятницу, с которой начинается наше повествование, Москва во второй половине дня начинала спокойно, как обычно, расползаться по пригородным дачам.

Во многих-многих столичных учреждениях за несколько часов до конца рабочей недели уже нельзя было практически решить почти никакие вопросы из-за того, что одни служащие уже уехали будто бы по делам, а на самом деле по направлению к своим дачам, другие уже собираются туда же, третьи ничего не могут сделать без первых и вторых. Но это отнюдь не значит, что жизнь останавливалась или ломалась в такие часы. Деловые люди давно привыкли к установившемуся издавна порядку (точнее беспорядку) и не назначали решение важных вопросов на столь неудачное время, хорошо получить продвижение в центре.

Служители бесчисленных министерств, главков, кабинетов, контор или офисов, как их теперь называют знающие и не значащие английский язык, творческая интеллигенция редакций, издательств, советов, комитетов, жёны начальников и мужья начальниц, их родные и близкие, друзья и знакомые, подпевалы и запевалы, словом, белая кость много-

миллионнонаселённого сложнейшего механизма огромного тела государства с большим неудовольствием вспоминали то недолгое время, когда у руля страны вместо киселеобразного, шамкающего вставной челюстью, многолетнего пловца по течению, позволявшего расслабляться себе и всем на тысячи километров вокруг, вдруг появился совсем не такой, к каким привыкли, а именно совсем другой – спокойный, собранный, тихоголосый, но удивительно твёрдый человек с умными глазами, глубоко проникавшими острым взглядом через учёные очки, человек, который не стал выкрикивать лозунги, не начал демонстрацию жестов на трибунах в сопровождении пустых обещаний, а чётко и прямо, из кабинетной тиши дал указание всем работать, а не празднично шататься по улицам, делать дело, а не болтать языками, немедленно увольнять прогуливающих беззаботно в рабочее время.

Как они испугались, привыкшие просиживать время в кафе и ресторанах и получать при этом зарплату чуть ли не с доставкой на дом. Как они забегали и засуетились, создавая немедленно видимость работы и беспокойства о народном благе, как заторопились в свои кабинеты к определённому графику времени, как стали требовательны к своим подчинённым, смахивая пот со лба и едва справляясь с одышкой, вызванной неожиданной и потому непривычной трудовой нагрузкой.

Впрочем, милый мой читатель, такие описания могут показаться скучными и малоубедительными. Поэтому не

вспомнить ли нам хотя бы один из многочисленных, как капли проливного дождя, эпизодов жизни того удивительного тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года, когда в страшно короткий (с точки зрения истории) промежуток времени одни люди как бы воспряли духом, тогда как другим пришлось несколько приупасть духом. Для многих этот мгновенный всплеск истории проскочил незамеченным, но не для героев нашего повествования. Думаю, что каждый или почти каждый, кто решится пробежать внимательными глазами по страницам истории, которая выплывает уже на страницы книги, вспомнит, а может даже почувствует всем своим существом, что именно нечто подобное довелось ему видеть самому. Почему я так говорю? Потому что как-то рассказал я эту историю своим друзьям, и вдруг одна из слушательниц воскликнула: "Боже, это чистая правда! По-моему, я сама это видела!".

Ну что ж, тогда в путь! К правде жизни!

ДВОРНЯГА

Небо над Москвой набухло осенью, и, основательно промокнув, сочилось мелким дождем на ещё неяркие пелерины дневного света, косо спадающие на улицу Горького с высоко задранных голов уличного освещения. Неуловимо быстро капли скатывались одна к одной, свивались в струйки, ручейки, сбегали с тротуара, и вот уже мчится, широко растекаясь по асфальту шоссе, поток воды навстречу несущимся на него колёсам легковых машин, разбрызгивающим воду в

разные стороны совершенно беспричинно, лишь потому, что она оказалась на пути их бешеного вращения.

Колёса, колёса. Всегда ли они могут справиться с беззащитной водой? А если её больше и дождь сильнее? Не вернуться ли они вхолостую, неудержимо скользя к аварии?

На площади Маяковского, торопливо стуча каблучками, к подземному переходу шла невысокая женская фигурка. Театр сатиры, слегка сощурившись от дождя, с любопытством смотрел на прохожих глазами реклам, запоминая их ускорившиеся в последние годы походки, меняющиеся привычки, запросы, тенденции, тесно связанные с ускорением развития века. Заметил он и юркнувшую в переход фигурку, из-под голубого полупрозрачного плаща которой явно излучалось счастье юной особы.

Нет, она не была расстроена дождём. Сказать, что она его не замечала, тоже нельзя, так как голова с высокой причёской аккуратно укрыта капюшоном, плащ застёгнут до самой шеи, а в правой руке весьма беззаботно болтается сумочка с весомым содержимым, которым могли быть вечерние туфли и соответствующая косметика. Её молодость угадывалась, даже скрытая дождевиком, и по лёгкой топ-топ-топ-походке, и по летающей как попало в руке сумочке, и, наконец, по тому, что молодость всегда прекрасна и оттого заметна, особенно когда счастлива, какими бы дождями её ни мочило.

Театр своим зорким взглядом с высоты положения, хоть и

за мутной сеткой дождя, заметил девушку, вынырнувшую в опускающийся вечер на другой стороне улицы и проследил за нею до ресторана "София", где каблучки быстро несли хозяйку в обход собравшейся очереди прямо к закрытым дверям. Огромное стекло двери, заключённое в прочные тиски креплений, покачнулось и отодвинулось. Девушка сказала "Простите!" и скрылась.

Театр опустил глаза на других, спешащих укрыться в вечерние заботы или от них, ибо то, что произошло дальше за стеклом не могло быть в поле его зрения и он вздохнул, поёживаясь.

А девушка действительно была молода, красива и счастлива. Дело, конечно, не в том, что её впервые пригласили в ресторан, хотя и в этом тоже. Ну кто же в восемнадцать лет не полон сыпящихся со всех сторон надежд, одна другой лучше, ожиданий, одно другого краше, и любви чуть ли не к каждому встречному? А тут ещё произошла целая серия совпадений. Впрочем почему совпадений?

Судьба. Никто, правда, по-настоящему в неё не верит, но так хочется и так приятно и так уж принято у друзей фатально произносить "судьба" когда либо что-то не получается, либо, напротив, слишком легко удаётся. Сейчас, например, судьба явно улыбалась Настеньке.

Да-да, нашу героиню зовут именно так. Ну, во-первых, месяц назад Настенька поступила в институт и не просто в какой полегче, а куда хотела – в МГПИИЯ, то есть в Москов-

ский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Такое длинное название, но все просто называют его институт Мориса Тореза. Настенька пошла по стопам своей старшей сестры, которая успела не только закончить учёбу, но и вторично поехать за границу. Первый раз практика в Англии, теперь работа в Африке. Жутко интересно, как она пишет.

Второе совпадение в том, что в первый же день занятий в институте у Настеньки начался роман. Правда, так ещё может рано говорить. Но ведь всё сегодня с этим связано. А тогда только Настенька вышла с подругами на улицу и они повернули в сторону метро Парк культуры, как сзади раздался голос:

– Девушка, можно вас на минутку?

Их было трое и все, естественно, оглянулись. Не доезжая метра два до девчат, у тротуара остановилась чёрная "Волга" и водитель, молодой парень, высунулся из окна дверцы и махал рукой.

– Вы нас зовёте? – Поинтересовалась Наташа, имея в виду всех троих. Она шла с левой стороны и оказалась ближе всех к машине.

– Да нет, вашу соседку.

– Меня? – Удивилась Настенька. – Но я вас не знаю.

– Так и я вас, – рассмеялся парень. – Подойдите, пожалуйста.

Вика, стоявшая по другую сторону от Настеньки, тут же

схватила за плечо двинувшуюся было к машине подружку. Она ещё во время вступительных экзаменов была признана абитуриентами группы самой рассудительной и всякий раз доказывала это, как и теперь, сказав:

– А что вы сами ближе подъехать не можете? Чего мы будем к вам идти?

– Да я вас всех и не зову, но уж, ладно, подъеду, – ответил юноша и машина, слегка урча, подкатила ближе, остановившись так, что Настенька оказалась у передней дверцы, через открытое окно которой и продолжался разговор.

– Вы с какого курса, с первого?

– Да, – тихо проговорила Настенька, круглое личико которой приобрело цвет спелого граната. – А вы откуда знаете, что я на первом?

Хозяин "Волги", а может только её водитель, наклонился ближе к окну, опершись на правую руку, чтобы лучше видеть Настеньку, ответил весьма просто:

– Я уже три длинных года прошагал по этим путаным коридорам, а вас вижу впервые.

– Так ведь и мы на первом курсе, – отпарировала Наташа.

– Девушки, – увещающим тоном, словно воспитатель детского сада, произнёс молодой человек из машины, – до чего же вы невоспитанны. Вмешиваетесь в разговор. Кроме того, вас я, наверное, видел в другом месте, а эту девушку впервые сегодня наблюдал в холле, теперь вот второй раз вижу.

– Так, – резко оборвала разговор Наташа, – с вами всё ясно. Девушку зовут Настя. Мы заняты. Она с вами никуда не поедет. Пошли, Настенька.

Девчата, как бы спасая Настеньку, подхватили подружку с двух сторон под руки и, не оглядываясь, быстро пошли вперёд. Напряжёнными спинами они ждали, что вот-вот их догонит машина, но её слышно не было и лишь издали донеслось:

– А меня зовут Вадик, Ва-а-дик.

Так они и познакомились. Хотя опять-таки это ещё нельзя назвать знакомством. Одни лишь имена. В институте они встретились раза два, не больше, да и то каждый раз на бегу, когда первокурсники летели с одной пары на другую да ещё в соседнее здание, через дорогу. Однако после лекций чёрная "Волга" ухитрялась преследовать Настеньку почти каждый вечер, но она всегда была в кружении подруг.

Обладатель машины, а девочки уже твёрдо решили, что Вадим её владелец, предлагал и подвезти их до метро, и развезти по домам, и в библиотеку подбросить, и просто покачать, да только мудрость Вики всегда была начеку, и отрицательный ответ девочек был постоянно твёрд и безапелляционен. Ни в какие разговоры даже не вступали.

Тут можно было бы вспомнить сколько угодно поговорок: "И капля долбит камень", "Сколько верёвочка ни выётся, а конец найдётся" и другие, да все не подойдут. Просто в субботу не было одной пары, Наташа и Вика остались в инсти-

туте доделывать первый номер стенгазеты, а Настенька побежала в магазин "Дружба" за новым учебником для всех троих. И в этот самый редкий момент она попалась.

Странный Вадим знал, что у них нет пары, и уже ждал в "Волге". Конечно, Настенька отказалась сесть в машину, но Вадим выскочил из неё, хлопнув дверцей, и пошёл рядом. И тут он предложил Настеньке для более приятного знакомства встретиться в воскресенье в семь часов вечера в ресторане. Настенька, помня подруг и предвидя их укоризненные взгляды, разумеется, не согласилась бы, но именно тогда случилось ещё одно совпадение. Вадим предложил ресторан "Софию". Назови он любой другой, она бы и ухом не повела, но, услышав этот, даже остановилась от неожиданности:

– Почему в "Софии"?

– Я там часто бываю, но ты можешь назвать любой другой, пожалуйста, – заговорил обрадованный Вадим, чувствуя, что девушка, наконец, сдаётся. – Для тебя нет ограничений. Куда хочешь?

– Нет-нет, только в "Софии", – выпалила Настенька и внутренне испугалась, поняв, что неожиданно для себя самой дала согласие встретиться.

– И если можно, без подруг, – торопливо добавил Вадим, – а то они меня съедят раньше, чем я успею заказать обед. Или я для них тоже приглашу друзей.

– Хорошо, без подруг, – сокрушённо согласилась Настенька, всем существом чувствуя, что пропадает и взбучки от по-

друг не избежать.

– Мне заехать? Встречать у входа, чтоб пропустили? Или предупредить на вахте твоё имя?

Настенька оценивающе посмотрела на Вадима. Он был определённо красив. Курчавые светлые волосы, несколько продолговатое лицо, розовый цвет едва касался щёк, прямой нос, губы слегка открыты, на подбородке ямочка. Пу-гали глаза – этакие нагловатые, смеющиеся, повелительные и вроде бы уже победившие. Пожалуй, они привели к решению:

– Никаких встреч, никаких проводов, никаких предупреждений. Я прихожу сама, а вы уже ждёте за столиком. Уйду тоже, когда захочу.

– Так тебя ж не пустят, – возразил Вадим. Там полно людей.

– Это уж моя забота, – решительно сказала Настенька.

– О, мадам оказывается не так себе. Слушаюсь. Жду в семь.

Настенька засмеялась и побежала, бросив находку:

– Я тороплюсь. Идите к вашей машине, если она ваша.

Моя-моя, а то чья же. До встречи, Настенька! – прокричал Вадим и повернул обратно, не особенно задумываясь над тем, что позволило так легко уговорить студентку на встречу в ресторане после столь упорных отказов вообще говорить.

Итак, дверь ресторана отворилась и Настенька оторвалась

от прилипчивого дождя, оставив его недовольно шуметь на улице вместе с толпой шумливого народа. Навстречу взроптавшим было посетителям, ожидавшим своей очереди за дверьми, донеслось неожиданно мягко, успокаивающе:

– Извините, товарищи, это ко мне моя внучка.

Об остальном разговоре им, оставшимся под моросью неба, приходилось теперь только догадываться, наблюдая сквозь стекло, как скользнувшая легко по ступенькам девушка скинула капюшон плаща, рассыпала одним движением длинные белокурые волосы, а руки взмахнула, обнимая широкую фигуру швейцара, голова прижалась к окладистой бороде. Сомнений не осталось – это была его внучка. Люди под дождём одобрительно закивали головами, а швейцар, едва не уронив от объятий свою важную фуражку, так что даже пришлось её поправить, выговаривал ворчливо, но определённо радостно:

– Ну ладно тебе, стрекоза. Чего стряслось-то? Прилетела в такую погоду. От дождя прячешься?

– Дедусь, – укоризненно отвечала Настенька. – неужели я не могу хоть раз посмотреть где работает мой любимый бородатый дед? Могу я, наконец, зайти к нему в гости? Ведь я уже взрослая и ресторан не возбраняется?

Откроем теперь маленький секрет происходящего. Наша студентка очень любила своего деда. Ещё в детстве она, бывало, рассудительно говорила:

– Люди бывают разные: злые, е очень злые, равнодушные и хорошие, которые добрые.

Её спрашивали:

– Настенька, а кто такие, по-твоему, равнодушные?

И она отвечала:

– А такие, ни не злые и не добрые. Они просто никого не любят. Им всё равно, нравятся они людям или нет. Как есть, так и будет. Это плохо. Людей надо любить.

– Значит, ты всех людей любишь? Даже злых?

Настенька вздыхала, морща лоб, и говорила:

– Нет, злых я не люблю, но мне их жалко. Ведь они злые потому, что у них что-то плохо получается. Или они не понимают других. Тогда ничего не поделаешь – приходится драться. Дедушка воевал с очень злыми людьми – фашистами. Он даже убивал их, потому что фашисты не понимали, что нельзя убивать других людей. Но когда им самим стало плохо, когда их победили, то многие из них в плену оказались добрыми весёлыми людьми. Так рассказывал дедушка.

Девочке задавали вопрос:

– А кого же ты считаешь добрыми?

Настенька подробно отвечала, как понимала сама:

– Добрые те, кто всех любят. Вот моя мама любит меня. Папа любит меня и маму. Дедушка любит папу, маму, меня и всех моих друзей. Он никого никогда не прогоняет, ни на кого не сердится, и все его любят. Он самый-самый добрый.

Так говорила маленькая девочка. Она выросла и по-преж-

нему любила деда больше всех на свете. Когда ему делали операцию на лёгком – вырезали поражённый участок, и нужна была донорская кровь, то Настенька, бывшая к тому времени ученицей десятого класса, заявила, что её кровь самая подходящая. Кровь и в самом деле подошла, и после выздоровления деда внучка гордо говорила всем:

– У моего деда моя молодая кровь течёт в жилах, а во мне его боевая.

Дед часто рассказывал о трудных военных буднях солдата. Не специально, а когда к слову приходилось, рассказывал. Посидеть просто, послушать истории бывалого человека в наши дни молодежи некогда. Столько у них дел: собрания, заседания, репетиции, походы – им не до стариков. Вон он сколько раз предлагал внучке зайти к нему, как он говорил, на работу не посидеть за столиком, а только глянуть, где он работает да что за люди приходят.

– Это тебе будет полезно, – уговаривал дед. – Разные люди у нас бывают. Целая энциклопедия жизни. И как они меняются! Входят такие чопорные, чистенькие, вежливые, а выходят порой такими, что смотреть тошно. Что выпивка делает? Глянь одним глазком и больше не захочешь.

Но Настенька всё отказывалась, резонно объясняя:

– Ну чего я туда пойду? Вдруг учительницу встречу или ещё кого – что подумают? Да и времени нет на пустые хождения.

А тут вот на тебе, сама прибежала.

– Неужели ты у нас поесть хочешь? – удивился дед. – Ой, да ты в вечернем платье, – продолжал он, изумлённо наблюдая, как его любимица расстёгивает свой лёгкий плащ, стряхивая движением плеч капли воды и раскрывая тёмно-синее шифоновое платье.

– Дедусь, что значит поесть? Дома что ли ничего нет?

Девушка остановилась, видимо, не решаясь сразу сказать самое главное. Гранат опять заалел на щеках и она, выпустив из рук края так и не снятого плаща, подняла ладони к лицу, чтобы попытаться скрыть огонь, и сумочка, висевшая на руке, слегка подскочила, задержавшись у локтя.

– Просто меня ждут здесь, то есть должны ждать, – поправилась она. – Только, дедусь, я ведь не знаю где всё это у вас и как. И может, он ещё не пришёл.

Дед, видя смущение внучки и поняв, наконец, ситуацию, засуетился, рассуждая вслух, сыпая словами и ища в то же время правильное решение:

– Ага, ну да, ну да. Стало быть, это не они, а он. Сейчас проверим, пришёл или нет. Ты пока раздевайся. То есть, давай я тебя раздену. Макарыч, возьми-ка плащек моей внучки. Далеко не вешай. Вот тут без номерка. Я сам её одену.

– Да как же, дедусь, – прошептала возмущённо Настенька, уткнувшись лицом в широкую бороду деда, распластавшуюся белым инеем по всей груди бывшего солдата, – а вдруг он потом выйдет проводить и захочет помочь одеться?

– Ах да, вот я дурень, – спохватился дед и не мало сму-

тившись сам стал исправлять оплошность:

– Макарыч, давай с номерком. Я малость перепутал. – И повернувшись к внучке, уже поостроже:

– Но без меня не уходи. Кто он хоть? И что это ты надумала с ресторана начинать?

– Я не начинаю, дедусь, – спокойно ответила Настенька. Спокойствие пришло почему-то с этим вопросом, на который она хотела ответить, прежде всего, самой себе.

– Я ничего не начинаю. Так уж получилось, что мы учимся в одном институте. Он на четвёртом курсе. И он пригласил меня. Я бы, конечно отказалась, но он назвал твой ресторан, вот я и решила прийти сама, чтобы ты мне показал как и что. Когда-то ведь надо научиться. Лучше с тобой, чем без тебя. Настенька говорила всё как на духу. Перед нею был её дед, которому можно было почти во всём признаться. И он, конечно, всё понял и со всем согласился, как всегда:

– Вот это правильно, внучка. Очень правильно. Я всё расскажу. Ты пока приведи себя в порядок вон там, в дамской комнате. Туфли взяла, как я понял. А я тем временем гляну, есть он или нет.

– Не надо, дедусь. Я сама потом посмотрю.

– Ну иди, иди, готовься. Бабушка-то знает?

– Конечно. Не видно по мне? – спросила, уже смеясь Настенька, имея в виду, что без помощи бабушки разве могли состояться такие прекрасные сборы.

– Видно, видно, – ухмыльнулся бородатый вахтёр. – Иди

уж.

Стоит ли говорить, что Настенька волновалась? Она стояла перед зеркалом уже несколько минут, хотя поправлять было решительно нечего. Но вдруг ей стало страшно выходить. До сих пор мысли все заканчивались дедом. Вот он её встретит и всё расскажет, и он будет рядом, и всё увидит: какая она красивая, какой красивый парень её пригласил. Да, любимый дед будет рядом.

Настенька посмотрела сквозь зеркало себе в глаза. Ну, зачем обманывать? Дед будет здесь в фойе, а там в зале, за дверью, она окажется одна с ним, с человеком, которого фактически совсем не знает. Вот когда сердце бешено застучало. Что он о ней думает? Вдруг решит, что раз она пришла, то ему всё позволено? А ведь это не так. Но груди. Под тонким шифоном их круглые очертания выглядят, наверное, вызывающе. Ну, зачем они такие большие? Хоть бы прижать чем. Дома всё казалось так прекрасно. Тут мама, бабушка и сестра с фотографии смотрит, смеётся и словно говорит:

– Давай-давай, малышка, что-то у тебя из этого получится?

Перед нею было легко и просто. Хотелось ответить:

– А что, я такая же, как и ты – взрослая и красивая. И талия не шире твоей. Даром что ли диету соблюдаю по науке? Калорий поглощаю ни больше, ни меньше. Одна беда: сдаётся, что все они пошли в груди.

И Настенька, хохоча, выгибалась, выдвигая груди ещё больше вперёд. Но то было дома, а то здесь. Критически осматривая в принципе вполне совершенную красивую фигурку юной девушки, Настеньке казалось теперь, что она чуть ли не порнографически вызывающе выглядит, и все вокруг сразу подумают, что она его любовница.

Разумеется, страх был напрасным. Красивое, благодаря хорошему покрою, платье не имело никаких лишних украшений, не кричало брошками или необычностью вырезов до живота и разрезов от пояса. В меру длинное, оно буквально сияло скромностью в тон красоте и скромности самой хозяйки.

Сложность заключалась совсем в другом. Настенька осознала, что совершенно не знает того, к кому идёт на свидание. Что он ждёт от неё? Почти каждый день встречал. Может, конечно, полюбил с первого взгляда. Наверное, так. Да что наверное? – Наверняка, иначе – зачем всё это? Отрезали же ему сразу, а он опять и опять. Уже и девочки говорили: – Слушай, ты его и впрямь заколебала.

В данном контексте слово "заколебала" означало "заставила влюбиться". И самое главное то, что, как и всем девушкам такого возраста, очень хотелось Настеньке, чтобы кто-то полюбил её раз и навсегда, на всю жизнь, да так сильно, что ни уйти от этой любви, ни убежать, ни спрятаться не возможно, и самой бы влюбиться до беспамятства. Ах как легко жить, если рядом тот, кто действительно любит. Расска-

жешь ему всё-всё, даже самое-самое, чего, может, и бабушке не рассказывала, боясь, что не так поймет. А он улыбнётся, обнимет и прошепчет на ухо:

– Милая моя, любовь это искусство, которое даётся не каждому. С этим приходится мириться. А нам с тобой оно подарено судьбой. Мы оба гении любви и потому никогда не расстанемся.

И она ответит: “Да, никогда”. Как счастливо будет жить, если он искренний друг, да ещё старший, с четвёртого курса. О, как много он ей поможет с английским. А может, и второй язык с ним легче начинать. Не сразу, естественно. Сегодня они просто поговорят об институте. Она спросит его, где он проходил практику. Скорее всего, в Англии. И он будет хвалиться успехами. Ну и пусть. Мальчишки все хвастуны. Так им полагается. Она тоже поедет после третьего.

Потом она спросит, любит ли он стихи. На губах его скользнёт снисходительная улыбочка, что, мол, он земной человек, а не воздушный, и тогда она будет без объявления читать Есенина. Нет, не читать, а рассказывать, и даже не рассказывать, а просто говорить, словно сама с собой: “Эх вы сани!... – пауза – А кони!... – пауза – Кони!... – пауза – Видно чёрт их на землю принёс...”

Или лучше процитировать Жака Превера: “Три спички, зажжённые одна за другой. Первая – чтобы увидеть твои глаза. Вторая – чтобы увидеть твои губы...”

Ах, нет, это слишком откровенно. Впрочем, стихи есть

стихи. Позже, когда станет ясно, что он не знает или не очень знает поэзию (Настенька была почти уверена, что не ошибается в этой части оценки Вадима) можно будет осторожно прочитать строки своих стихов и тоже без объявления. Интересно заметит ли он, что это стихи не поэта профессионала?

Думая так, Настенька незаметно успокоилась. Она решила, что в конце-концов мир не рушится, земля под ногами держится, и жизнь только начинается. Они посидят, поговорят, выпьют немного шампанского, но очень немного, так как она всего два раза его пробовала и боится опьянеть, потанцуют, и Настенька неожиданно скажет:

– Всё. Спасибо. Ухожу. Не провожайте.

Впрочем, так не уходят. Пусть проводит и оденет. И, кстати, тут можно будет познакомить его с дедушкой. Вот будет сюрприз на прощание. Он обалдеет сначала, потом слегка поклонится с уважением и скажет:

– Ну, мадам, это удача. Отныне, как говорится в известном детективном фильме, место встречи изменить нельзя. Будем встречаться у дедушки.

Всем станет смешно, а главное действительно это удобно. Дедушка будет иногда оставлять им места и маме с бабушкой не придётся беспокоиться, как сегодня, тем более, если этот товарищ вообще не пришёл. Вот будет юмор.

Эта мысль совсем развеселила Настеньку. Взяв сумочку со снятой обувью, но без косметики – тут театр сатиры ошибся – Настенька не пользовалась искусственными наводками,

как совершенно лишними, в её возрасте всё хорошо, что естественно – она повернула ручку двери и вошла в холл.

Перед нею оказался Вадим. Он прошёл из зала прямо к раздевалке, не замечая её, а она опешила от неожиданности. Знакомый по институту преобразился. В коричневой кожаной куртке и хорошо обтянутых по фигуре синих джинсах он выглядел бы элегантно для охоты или верховой езды, если бы не огромные ботинки на толстой подошве и высоких каблуках, напоминавшие скорее сапоги с обрезанными голенищами.

Настенькин дедушка стоял к нему спиной, помогая пожилому мужчине попасть в рукава чёрного плаща. Настенька хотела окликнуть дедушку, но решила подождать, пока тот подаст шляпу и зонт человеку, собиравшемуся уходить, и, быть может, только поэтому произошло то, что болью отзывается и сейчас в моём сердце.

Вадим опередил девушку и властным громким голосом произнёс:

– Эй, дворняга, открой дверь. Посмотри, не пришла ли моя девушка. Её зовут Настя.

Швейцар, только что почти торжественно помогавший надевать плащ другому человеку, словно получил удар по спине, гордая осанка которой вдруг сразу сникла, и к обидчику поворачивалось совершенно беззащитное старческое тело. Швейцар знал голоса своих постоянных клиентов, как их привычки и всю подноготную. Но он не мог предугадать

будущее своих посетителей и, если рождались в голове перспективы и проекты, то даже на последнее место не попала бы мысль о том, что этот голос назовет имя его любимой внучки в качестве своей девушки.

Швейцар обернулся. Широко раскрытыми изумлёнными глазами на него смотрела внучка. Нет, не на него, а в спину парню, в его затылок.

– Вадим!

Этот крик девушки не был зовом влюблённой, не был зовом ищущего, не был зовом спрашивающего. Этот крик был хлыстом, которым дрессировщики заставляют опомниться зазевавшегося на арене хищника, хлыстом, стреляющим звуком рядом, но требующим скосить глаза на обладателя демонической плети и повиноваться ему, выполнять все приказы.

Вадим не узнал голоса, но сильным и твёрдым был оклик. Он нехотя повернул голову, но, увидев Настеньку, удивлённо развёл руки в стороны и обрадованно двинулся ей на встречу, говоря:

– О, пардон. Сэ трэ бьен, что означает – это прекрасно. Мадам уже здесь.

Однако движения его замерли, будто остановленные невидимой преградой. Взгляд его поймал ненависть в глазах девушки. Её губы были плотно сжаты и резкие складки злости опустились к подбородку. Щёки пылали огнём, а прекрасная грудь вздымалась частыми волнами.

– Что случилось, мадам? – Удивлённо спросил Вадим? –

Вы сердитесь? Но я не опоздал у меня всё готово. Прошу. – и, театрально выдвинув вперёд ногу, широким жестом руки он пригласил в зал.

Настенька не слышала его слов. Она пыталась справиться с видимыми признаками своего волнения. Прежде всего, успокоить дыхание. Собраться с силами и успокоить. Да некогда. Успела только подумать: “Вот тебе и любовь с первого взгляда. Дурёха”. Но это только мелькнуло. Остальные мысли были не о том. И не сумев до конца справиться с дыханием, она выдохнула слова:

– Ты что сейчас сказал?

– Кому, тебе? – изумился Вадим?

– Нет, ему.

Настенька хотела произнести “моему дедушке” и не смогла, прерванная глубоким вздохом, поэтому лишь подняла левую руку, показывая.

Вадим проследил за направлением руки и, удивившись ещё больше, выровнялся из своей театральной позы и небрежно протянул:

– Дворня-а-ге?

Удар маленькой ладошки поймал поворачивающееся лицо, развернув его с силой в другую сторону. Не смотря на её невысокий рост, Настенька была одной из лучших волейболисток школы и что-что, а удар правой по мячу при подаче был отработан.

Для всех и даже для самой Настеньки пощёчина оказалась

неожиданностью, и первые секунды Вадим, Настенька и те, кто стоял вокруг, замерли в оцепенении.

– Ты что, рехнулась? – наконец, пробормотал Вадим. Хмель от выпитых нескольких рюмок коньяка внезапно прошёл. Щека горела, как обожжённая только что утюгом. – Это же шутка. Дверь закрывает, вот и называется дворняга.

Раз! И ещё одну пощёчину, теперь уже левой рукой так же мастерски влепила Настенька. Но ей сейчас было не до мастерства. Всё завертелось и расплывалось перед глазами в бешеной ярости. Голова раскалывалась от гнева. Грудь, накачиваемая изнутри частыми сильными рывками невидимого насоса, казалось готова была разорваться от напряжения, обиды, боли, и она выплёскивала их, крича в лицо ненавистному человеку:

– Не смей оскорблять моего дедушку. Он не дворняга. Он самый добрый, самый хороший, он человек, а ты щенок паршивый. Мой дед воевал на фронте. У него орденов и медалей больше, чем тебе лет. Подлец ты несчастный. Назвать так моего любимого дедика, – и она разрыдалась, всё же не выдержав, не устояв против закипевших слёз. Она была женщина.

А их уже разнимали. Первым обхватил свою внучку швейцар.

Распрямившийся, широкий, крепкий, становящийся всё сильнее с каждым словом внучки, он стеной вырос на пути её несчастья и, прижав к себе совсем ещё девчоночью голову,

осторожно повлѣк девушку в сторону, приговаривая:

Ну будет, малышка, будет. Поволновалась и будет. Знаешь сколько грубых людей на свете? Если за каждого переживать, жизни не хватит.

Настенька, уткнувшись по привычке лицом в бороду, говорила

почти шёпотом:

– Деда, разве ты за таких воевал? Разве за это?

Получив вторую пощёчину, Вадим взревел, можно сказать, и от боли и от невероятной злобы, рванувшейся изнутри. До него не сразу дошло, что сказала Настенька, и он закричал:

– Меня бить? Меня-а-а? Да за всю жизнь ни единым пальцем никто не тронул, а тут какая-то...

Его держали под руки двое дюжих парней, молча, спокойно, крепко. Они вышли из зала почти сразу за Вадимом и стояли незаметно, оба в серых аккуратных костюмах, пока обиженный не пришёл в себя от первого шока и не рванулся к обидчице. Тотчас же он попал в их руки, как в тиски, но, казалось, не замечал этого и продолжал говорить, осознав с некоторой задержкой смысл сказанного ему Настенькой:

– Так это, значит, твой дед здесь служит? Прекрасно. Сейчас ты меня узнаешь. Он-то в курсе дела, кто я такой. А ты ошиблась, дорогая, ошиблась. Я тебя научу, как руками-то размахивать. Макарыч, ну-ка зови хозяина.

– Сейчас, Вадим Демьяныч, пригласим-с. Всѣ сделаем,

будьте покойны.

Макарыч, почти такой же по комплекции, как и Настенькин дедушка, и с не менее пышной белой бородой, но с каким-то лисьим выражением лица, собрался выйти из-за стойки раздевалки, когда хозяин появился сам в сопровождении сержанта милиции.

Средних лет мужчина, молодцеватый и подтянутый, как гусар на параде, гладко выбритый, гладко причёсанный и, так хочется сказать, гладко одетый в коричневый костюм, с коричневой бабочкой на белой гладкой сорочке, высоко подняв голову и оглядывая всех как бы издали с горы, он деловито поинтересовался:

– Так, что тут происходит? Вадим Демьянович, слышу шумок. Только не волнуйтесь, всё исправим. Что? Кого? Где?

Лишь теперь Вадим заметил, что его держат. Он встряхнул руками:

– Да отпустите вы, кретины!

Двое так же спокойно, как брали, теперь освободили руки Вадима, но остались стоять рядом с тем, кто продолжал не замечать их, отдавая распоряжения:

– Сержант, составьте на эту цацу протокол – она меня оскорбляла и все слышали. В институте её, конечно, не оставят после этого. Можно и в вытрезвитель на ночь. Она, по-моему, пьяная. Не повредит проспаться с ночными бабочками. А Поликарпычу пора на пенсию. Засиделся малость ста-

ричок на моих чаевых. Пора и честь знать.

Сержант, невысокий, щупленький, но весьма решительный на вид, направился прямо к Настеньке со словами:

– Хулиганите, гражданка, нехорошо-о-о! Пройдёмте со мной. Хватит безобразничать.

Настенька испуганно прижалась к деду. Слёзы ещё сползали со щёк, оставляя серебристые светлые дорожки, хотя она уже не плакала. Если минуту назад было трудно, но понятно, как на фронте: вот враг и надо бить, то теперь с каждым новым моментом она всё больше теряла нить понимания. Всё, казавшееся очевидным, рвалось. Кто-то угрожает дедушке. За что? Что он-то сделал? Вот и, как его назвали, хозяин говорит:

– Поликарпыч, от тебя я такого не ожидал. Уж ты-то у нас опытный, заслуженный и вот...

"Что это он несёт? – думала Настенька. – Чего он не ожидал? И что надо сержанту, который идёт к ней такой строгий?" Она прижалась ещё крепче к деду и приготовилась отдёргнуть руку, если милиционер попытается её схватить. "Будь что будет, – решила она, – но деда она в обиду не даст. Пусть его увольняют. Они не пропадут. И нечего ему тут делать. Составят на неё протокол – ладно. Это не всё. Она расскажет на комсомольском собрании, как всё на самом деле было. И ей поверят. Ещё не известно кому попадёт. Хотя чёрт его знает, кто этот Вадим. Но она не сдастся. Ну и исключат если её из института, она в другой поступит. Но деда

обижать не позволит.

Сержант подошёл:

– Так я говорю, пройдёмте.

Дед опять, словно стена, встал перед внучкой, отгораживая её от сержанта и увещевая его:

– Не стыдно, Костя, ты же меня знаешь.

Хозяин в коричневом костюме громко скомандовал:

– Поликарпыч, оставьте девушку, пройдите ко мне в кабинет.

И тут деда прорвало. Видимо, и в самом деле у него с внучкой была одинаково горячая кровь, которая страшна в закипании. Он повернулся к своему гладкому хозяину так резко, что сержанта словно сдунуло от этого поворота:

Эй ты, чёртов молокосос, что это ты раскомандовался? Ведь не я на твоих чаевых, а ты на тех, что мне дают, живёшь. Забыл, кто тебе помогал сюда устраиваться? Так что иди в свой кабинет и помалкивай. А я уйду от вас. Давно опротивела мне ваша пьяная развратная свора. – Сейчас дед выглядел богатырём. Он сжал кулак и подняв руку, погрозил отутюженному гладко хозяину: Мне можешь говорить что угодно – я плюну и разотру, но внуку мою не тронь! – и, повернувшись снова к Настеньке, он обнял её и успокаивающе добавил:

– А ты не бойся, родная. Я хоть и стар уже, а эту гниль в один момент раскидаю. Даром что ли в разведке служил да за языками охотился? Кого-кого, а внуку у меня никто не

обидит.

От вешалки донёлся голос Вадима:

Макарыч, пойдй, помоги сержанту забрать девушку, а то её дед разошелся больно.

Сержант опять направился к Настеньке, откашливаясь для солидности. Макарыч что-то забормотал, выходя из-за стойки. Оскорблённый хозяин вечерних часов ресторана начал свою тираду в адрес Поликарпыча, и вдруг над всем этим раздался резкий, властный и жёсткий голос:

– Прекратить безобразие! Отставить, сержант! Подойдите ко мне!

Каждый присутствовавший и даже появившиеся на шум некоторые посетители из зала почувствовали, что команды относятся ко всем и всеми должны исполняться. Все посмотрели в сторону входной двери. Человек в чёрном плаще, так и не надевший шляпу и не взявший зонт, протянул неторопливо идущему к нему сержанту раскрытое удостоверение, взглянув в которое издали, милиционер тут же сбился со своей ленивой походки, вытянулся столбиком, щёлкнул каблуками. Лицо его заострилось – всё внимание в глаза большого начальства.

А начальство говорило:

– Отставить протоколы. Учитесь разбираться в ситуации, если хотите служить людям, а не денежным мешкам. Идите к себе и думайте. За сегодня вам выговор.

– Слушсь! – только и проговорил застывший на месте сержант.

жант.

Вадим криво усмехнулся и снисходительно сказал:

– Не тянись, сержант. Что это ещё за шишка на ровном месте объявилась? Да вы знаете кто я?

Человек в чёрном плаще внимательно посмотрел на Вадима и спокойно сказал:

– Да, знаю. Вы, Вадим Демьянович, пока никто. Но мне известно кем был ваш отец. Вы, наверное, его имели в виду?

– Да, чёрт вас возьми, его. И не был, а есть.

– Нет, к вашему великому сожалению, не есть, а только был. Вы, Вадим Демьянович, всё за красивыми девушками охотитесь, что бы им жизнь портить, три дня домой не заглядывали, газет не читали, радио не слушали, телевизор не смотрели. А друзья ваши такие, что, если что и знают. то правду вам сказать боятся. А ведь отец ваш теперь только был тем, кем вы привыкли его видеть. Так что идите-ка вы домой. Сейчас самое время помочь ему справиться с переживаниями.

Настенька посмотрела на Вадима. Сказать, что он побледнел, было бы неправильно. Кровь отхлынула от лица, и оно стало серым. Его качнуло, словно хмель выпитого возвратился и ударил в голову.

– Проводите его в мою машину, – сказал человек в плаще. – Пусть отвезут домой. Мы пройдемся пешком.

Двое, стоявшие рядом, подхватили Вадима под локти. Тот пошёл молча, не сопротивляясь. Макарыч торопливо подал

им их плащи и кожаное пальто Вадима. Они оделись и, ничего не говоря, ни на кого не глядя, втроём вышли.

Человек, столь странно разрядивший обстановку, подал руку Нас-тенькиному дедушке:

– Извините за то, что произошло. К сожалению, так пока ещё бывает. И спасибо за внучку. Настоящая, хорошая де-вушка.

Ночное небо продолжало сочиться мелким дождём. Осенняя морось бывает длинной. Театр сатиры, кряхтя, поёживался, выплёскивая зрителей на мокрую улицу. Спектакль закончился, а жизнь продолжалась и все разбегались, расходились, разъезжались. У каждого свои заботы, а у дождя свои. Ему надо, что бы везде всё было к утру свежо и чисто.

МОСКВА 1987 ГОДА

Добрый-добрый читатель, я очень рад, что ничто в мире не исчезает бесследно, и потому надеюсь, что мы ещё встретимся с Настенькой, и она нам расскажет, чем закончилась эта история с нею и дедушкой. Может быть, нам удастся узнать что-то и о Вадиме. Понятно, что пути у них разные.

Неожиданность, оказавшаяся спасительной для одних, казалась катастрофой другим, которые так и говорили, качая головой и закатывая к небу глаза: “Ка-та-стро-фа-а!”

В самом деле, ну что делать тем, кто привык получать и тратить деньги, не считая их, кто называл купюры мусором лишь потому, что мог сорить ими, кто поступал в институты

и университеты не по призванию, а в соответствии с престижем учебного заведения и не за знания, а за спасибо могущественным папам, мамам, тётям, дядям? Что же было делать им, не привыкшим зарабатывать хлеб трудом, когда появился Он, начавший почему-то ломать выстроенную за годы пирамиду?

Она – эта пирамида – выростала постепенно на спинах людей, как горб, к которому привыкаешь и который даже не замечаешь, так как он появляется медленно и незаметно. Пирамида коррупционеров и взяточников росла из далёкого прошлого. Фундамент создавался веками и был почти раздавлен в семнадцатом году нынешнего столетия. По крайней мере, так казалось и народ было совсем разогнулся, да осколки оказались живучими. Они склеивались год за годом, обрастая мхом и плесенью, но росли и крепили, подпитываемые алчностью к сегодняшнему и дикой злобой к прошлому, разрушившему её основу.

Осколочная пирамида осваивалась в новых условиях, занимая всё более высокие ответственные вершины, пока не сформировалась окончательно, когда всем уже стало понятным, что правит теперь на самом деле не народ, а выросшая на его спине пирамида, которую скинуть-то стало почти невозможным делом, ибо все этажи пирамиды куплены, а кто и как платил неизвестно, хотя они есть, эти плательщики, и уж они-то готовы зубами грызть любого, кто попытается хоть пальцем тронуть могучую пирамиду их власти. А

Он, очевидно, случайный остаток революционного прошлого, попавший к вершине власти, осмелился...

Словно умный опытный хирург, Он не стал пугать больного рассказами страшных историй, а мягко и спокойно стал готовить к операции, собираясь удалять наболевший горб.

Но пирамида поняла, почувствовала нутром опасность. Пирамида заволновалась. Не только те, кто сорил деньгами, но и те, кто жил их подачками, довольствуясь близостью к богатству, забеспокоились: Неужели всё изменится? Неужели придётся работать, а не воровать? Неужели теперь тебе будет хорошо лишь тогда, когда всем будет хорошо? Когда же это будет? А я хочу всё себе, сегодня, сейчас. Я хочу всё и сразу.

И потому легко себе представить, как все они эти Вадимы и прочие обалденно обрадовались, когда даже не успев втянуться в новый режим, с трудом поднимаясь пораньше с постели, чтобы, не дай бог, не опоздать на работу, они получили, наконец, сообщение о том, что Он, их мучитель, ушёл-таки из жизни. Для них не важно было, случайно ли оборвалось его брэнное существование или кто-то помог продолжить цепочку страшно быстрой смены руководителей супердержавы, чтобы самому стать поскорее в ряд властителей. В тот момент им это было неинтересно, ибо главным отложилось в сознании только то, что теперь можно снова расслабиться, газануть спиртными в кафе "Театральное" по такому случаю, а завтра по причине зарплаты, слегка оклимавшись

к середине дня, позвонить кассирше и ласково попросить:

— Клавушка, у меня тут давление поднялось, видимо, от вчерашних переговоров. Ты уж отложи там мою долю, а я завтра подойду, занесешь сумму ко мне, как бывало.

Она поймёт. Она умница.

О, я очень виноват перед моим дорогим читателем, но всё вышеизложенное, прежде всего, не имеет никакого отношения к грустным историям о любви, которые я собираюсь рассказывать, и кроме того, конечно, никак не относится к тому огромному большинству людей, как рабочих, так и, естественно, интеллигентов, которые давно привыкли и любят работать, не торгуя совестью и не спекулируя вещами, людей, засиживающихся до позднего поздна в руководящих и творческих кабинетах, людей, не отходящих от станка, пока не отшлифована блестяще последняя на сегодня деталь, людей, ежедневно живущих честным трудом независимо от указов только потому, что иной жизни не представляют себе с детства.

К этому великому большинству людей я не то чтобы благосклонен, а искренне преклоняюсь перед ними всем своим существом и для них собственно пишу.

Если я отвлёкся немного в сторону, то явно не по своей воле. Так качнуло меня волной житейской, что рука сама заплясала, куда ей заблагорассудилось. За эту минутную неустойчивость я и прошу простить меня, дорогой мой чи-

татель. И возвращаюсь к моим героям, которые не успели, как следует, и появиться на страницах, но я всё время помню, что они вот тут поблизости ходят.

Итак, после обеда, ближе к вечеру, погода обещала оставаться хорошей. Светило солнце. Была пятница, и были люди, которые даже в это время в Москве продолжали работать. Например, в метро.

Почти круглые сутки (с небольшим ночным перерывом) носятся поезда метрополитена то в одну, то в другую сторону, словно челнок гигантской швейной машины, что пытается заштопать прорехи человеческой жизни, которая то там, то здесь прорвётся. Вот и мечутся челноки-поезда, протаскивая нити человеческих судеб в разные стороны, сплетая, увязывая и разрывая их, стягивая вместе и расталкивая навсегда.

Сколько здесь, в клокочущем вареве, хаотично носящихся бесчисленных крупинок совершенно непохожих одна на одну жизней, сколько здесь трагедий, радостей, неожиданных встреч и столь же неожиданных расставаний? Миллиарды. Но кто подсчитывал?

Давайте опустим микроскоп нашего внимания на станцию метро "Новокузнецкая" и посмотримся в молодого человека, только что спустившегося по эскалатору, словно в преисподнюю, ибо там ему предстояло выбрать правильное направление дальнейшего движения – направо или налево – дабы не

унестись в совершенно противоположную сторону, потеряв при этом драгоценнейшие минуты столь редкого для него пребывания в столичном граде Москве.

Да, молодой человек был и правда молод, лет около двадцати пяти, красив, для некоторых, может быть, даже обаятелен, но главное – очень стеснителен.

Мимо торопливо шли, бежали, быстро шагали люди с баульчиками, кашолками, пакетиками, рюкзаками, с цветами и без цветов, с улыбками и без оных, со смехом и озабоченно серьёзные, но все, казалось бы, разные одинаковы были в одном – их не интересовал молодой человек, отступивший как-то боком в сторону от людского потока, чтобы никому не мешать. И это было правильно то, что его никто не замечал.

Нет, разумеется, москвичей невозможно уличить в особом гостеприимстве и радушии к каждому приезжему. Гостей-то ого-го сколько! – со всего мира, а Москва-то она одна. И всё-таки, если бы молодой человек встал посреди зала метро, мешая собой всякому и не всякому, и начал бы беспомощно озираться по сторонам, ища подходящей надписи то ли на потолке, то ли между колоннами, так тут уж всенепременно кто-нибудь из столичников остановился бы и участливо так, ну может слегка лишь снисходительно, спросил бы: "Тебе куда, парень?" или "Вам какая станция нужна, товарищ?".

Но парень или товарищ не стал посреди зала, а, выйдя на

платформу, скромно подождал, пока все восемь вагонов поезда (успел посчитать) насытятся новыми пассажирами, двери по невидимой команде дружно захлопнутся и, медленно набирая скорость, поезд-челнок с прощальным свистом унесётся в темноту тоннеля, открыв для всеобщего обозрения стену, на которой вытянулась длинная череда слов-названий следующих станций с повисшими на некоторых страничками наименований ответвлений, на которые можно перейти на узловых станциях-переходах, чтобы отправляться отсюда в любую другую сторону, где тоже можно перейти на какую-то иную линию с новым направлением, а там ещё и ещё. Так можно объехать всю столицу, если не надоест, и не запутаться.

Но наш путешественник, хотя и не был знаком с системой метро, поскольку в его родной маленькой Каховке такой вид транспорта не только отсутствует, но и не планируется, а в Москву он, честно говоря, приехал впервые, тем не менее, не собирался проводить последние часы до отъезда в свою провинцию в переходах и переездах по подземным дорогам, поэтому, глянув на стену, быстро сориентировался, решив, что ему можно проехать всего одну остановку, выйти на площади Свердлова и походить по центру страны, отдавшись на волю случая и интуиции ног. С этими мыслями он и зашёл, кажется, в третий вагон.

Иной любопытный и проницательный читатель, наверняка, начинает догадываться, что здесь закручивается детек-

тивная история и потому старается сразу запомнить время действия, названия станций, номер вагона и прочие детали, чтобы поскорее самому всё разгадать.

Должен сразу предупредить, что, если и есть некоторые предпосылки детективности в этой истории, то, во-первых, совсем не такие, какие ожидает мой исключительно дотошный коллега-читатель (я ведь не только пишу, но сначала читаю в своих скрижалях памяти всё, что было и что я хочу написать, так что я тоже читатель, а значит мы коллеги в этом смысле) и, во-вторых, читателю нет нужды всё запоминать, ибо с ним самим ничего не случится в книге, а вот нашему юноше кое-что следовало бы попридержать в памяти, но он-то как раз меньше всего об этом думал. Так складывалось всё, что было ему, как хотите, а не до тех деталей.

В такие часы пятницы со стороны Павелецкого вокзала к центру едет не так много людей, как в обратную сторону, так что вагон, впустивший в себя предмет нашего пристального внимания, оказался не совсем заполненным и молодой человек, или, как мы его пока окрестили, юноша, хотя имя у него, конечно, есть, Андрей, о чём мы узнаем позже, прошёл спокойно чуть вперёд и стал у противоположной, закрытой, двери. Он мог и сесть – места свободные были, но он и в своём городе всегда предпочитал ехать стоя, полагая, что всегда найдутся старички, старушки, пожилые люди, инвалиды, женщины с детьми и просто дамы, которым следует уступать место, а потому, думал он, пусть они сразу садятся,

не ожидая пока он заметит или они попросят. Нет, пусть сами садятся кто где хочет, а то бывает уступишь кому-то место по той или иной кажущейся тебе важной причине и из самых лучших побуждений, а в ответ несётся вместо "спасибо" нечто вроде "Как-нибудь доеду без ваших услуг" или "Сиди, раз уж сел, а меня ноги ещё держат".

Напротив юноши, у только что захлопнувшейся двери, сидела девушка, попадающая немедленно в объектив нашего внимания, и чьё появление мгновенно меняет ход повествования, ибо теперь всё становится серьёзным. Прощай на время, милый читатель. Не хочу мешать течению событий.

Настенька сразу почувствовала буквально всем своим существом остановленный на ней взгляд. Едва-едва приподняв веки так, чтобы не было заметно никому, она глянула перед собой и сквозь бахрому длинных ресничек увидела высокого красивого парня. С некоторых пор она начала и теперь успела привыкнуть подвергать мгновенному анализу первые впечатления о незнакомом человеке и стараться угадать о нём максимум возможного. И сейчас анализатор заработал по привычке.

Одет как-то странно: тёмно-серый костюм, белая рубашка, чёрный галстук, как только что с официального приёма. Такой галстук любой нормальный давно бы скинул в такую жару. Чего шею парить в нём? И всё в парне кажется дико провинциальным, даже взгляд. Смотрит так, словно в вагоне

никого кроме них двоих больше нет, открыто изучая тело, но не нагло, как делали бы арбатские лавеласы, а с явным любопытством и чуть ли не с испугом. А может с восторгом? – чёрт его знает. Тут сразу не поймешь.

Худой, стройненький. Если спортсмен, – продолжал анализатор, – то, скорее всего, волейболист или пловец. Нет, для пловца плечи, пожалуй, узковаты.

Не интеллигент. Правда, смотря что под этим иметь в виду. В наше время иной рабочий может оказаться значительно интеллигентнее другого министра. Во всяком случае, видно, что этот парень технарь, а не гуманитарий, и если инженер, что возможно, то не физик и не электроник. У тех глаза больше концентрируются и вроде напряжённее, как и у хирургов.

Лицо загорелое – может, с юга. Правда, в летнее время везде можно получить достаточную порцию солнца.

Руки тоже загорели. О, обручальное кольцо – женат. Кольцо тонкое и никакого лоска ни в одежде ни в чём другом – стало быть, не богат, не фарцовщик, не пройдоха, не спекулянт и так далее.

Что же он делает в Москве? Это загадка.

Между тем, глаза парня тоже путешествовали по телу девушки, но более открыто, и любой со стороны мог заметить, как взгляд их опускался вниз и, наткнувшись на максимально обнажённые колени, смутился внезапно от увиденного, в замешательстве виновато подскочил вверх и вдруг совершенно откровенно остановился на почти вполтину обна-

жённой груди.

Да, это Настеньке было вполне понятно. Он полагает, что она ничего не видит. Ну что ж, с ним, пожалуй, можно попробовать поиграть.

"Да-да, поиграть", – с грустью подумала Настенька.

Прошу прощения у читателя, но мне опять приходится вмешиваться. Следует, кажется, пояснить то, чего не сознаёт сама Настенька. Дело в том, что, как правильно догадался мой коллега-читатель, а я это чувствую, в поезде метро сидит та самая Настенька, с которой мы хотели встретиться, та самая юная особа, что каких-то три года назад была влюблена в жизнь и, беззаботно размахивая сумочкой, легко мчалась навстречу судьбе по подземному переходу одной из главных жизненных магистралей или точнее венозных артерий страны – улицы Горького. Но хоть та это Настенька, да уже и не та. Ведь вот в данный момент, глядя из-под опущенных ресниц на ничего не сделавшего ей плохого или хорошего человека, она рассуждала о нём, готовясь наложить тень своей жизни на его неизвестную ей жизнь, не задумываясь о том, что всеми её мыслями в это время руководило одно сильное мощное чувство, опасное, когда допущено к единоличной власти, своей непреодолимостью – это чувство злобы, переходящее порой в ненависть.

Злоба, правящая в мире всеми дурными делами, является болью человечества, возникающей то в одной, то в дру-

гой части его организма, который борется с нею очень часто совершенно впустую, если забывает или не знает вовсе простой истины, что лечить следует не болезнь – злобу, а причины, её вызывающие – эгоизм, корысть, зависть. Бороться со следствием невозможно. Перед ним мы в состоянии лишь поставить заслон, который всё равно будет преодолён, поэтому само сражение можно и нужно вести с причинами. Не будет причин, не появится и следствие. Последние три года Настеньки после памятного происшествия в ресторане "София" были жизнью цветка розы, только что раскрывшего свой бутон и выпустившего первые чудесные лепестки, но оказавшегося вдруг под колёсами трактора, ломающего бездушными колёсами кусты, сминающего безжалостно девственную красоту роз, однако позволяющего им потом медленно подниматься уже измятыми, измученными, обозленными, с едва теплящейся в лепестках жизнью и слабой надеждой расцвести вновь, привлекая к себе внимание своими лучшими красками.

Сидя в вагоне метро, Настенька не вспоминала свою жизнь и то главное, что сломало её, как трактор. Времени в тот момент для воспоминаний было мало. Мне же хочется помочь читающему эту жизнь суметь не то чтобы не осуждать девушку за её дальнейшие поступки, которые ей, разумеется, не следовало совершать, но попытаться понять её, посочувствовать и подумать ещё и ещё раз о причинах и следствиях. Поэтому мне придётся самому рассказать, что

же случилось с нею всего год назад. Впрочем, начало всему лежало гораздо раньше.

ТРАГЕДИЯ ЛОМКИ

Врачи, особенно наркологи, и те, кто хоть краешком жизни касался вопроса наркомании, не говоря уже о тех, кто напрямую пристрастился к чуме нашего века – наркомании, прочитав название данной главы, поторопятся сделать для себя вывод о том, что наша героиня стала наркоманкой, стало быть всё ясно и главу можно пропустить, не читая. Но такое заключение было бы явно поспешным и полностью неверным.

Наша Настенька никогда не пользовалась наркотиками и не питала ни малейшего желания знакомиться с ними. Но русский язык чрезвычайно богат на омонимичные значения многих слов, так что слово "ломка" в данном тексте подразумевает не ломку после приёма наркотика, а совсем другое, хотя должен сказать, что адски, мученически, смертельно болезненная наркотическая ломка (научно это, кажется, называется трудным словом абстиненция) которая возникает в результате прекращения приёма наркотического средства, к которому организм настолько привык, что без дополнительной дозы яда отравленное уже существо впадает в безудержное расстройство, корчится и дёргается от боли, будучи готовым разломаться хоть на тысячи кусков и кусочков и даже умереть, лишь бы не ощущать ни секунды этой смертельно-страшной боли, и потому существо кричит и стонет толь-

ко об одном — яду, ещё яду. Так вот эта физически невыносимая боль ничуть не страшнее фактически той духовной ломки, которая началась у миллионов людей в эти несчастные годы.

Если прежде уничтожали людей довольно часто совершенно незаслуженно (правда трудно себе представить, если поразмыслить, какая смерть может считаться заслуженной, когда каждый именуемый преступником является фактическим продуктом природы и окружающего общества, таким симбиозом, в результате которого сам он вообще-то не виноват, по сути, словом вопрос дискуссионный), и об этих смертях и их виновниках давно трубят все, у кого есть мало-мальски хоть какая-то трибуна, то есть газеты, журналы, радио, телевидение и прочее и прочее, то теперь тысячи людей гибнут сами, бросаясь под колёса движущейся махины истории в метро, на автотрассах, срываясь инфарктами, прерывая течение душевных переживаний пулями навывлет, судорогами в петлях, рвотами мгновенно действующих ядов.

Другие тысячи гибнут в неожиданно взорвавшихся межнациональных конфликтах, которые никогда бы и не возникли, не будь на то воля единиц вдохновителей, коим вражда эта выгоду приносит, и которую они и раньше пытались развязать, но не могли при прежних жёстких условиях, так называемой, диктатуры, и зато свободно развернули сегодня с молчаливого согласия, одобрения, а может и прямого подталкивания перестраивающихся структур.

Гибели в этих войнах (иначе их теперь не называют, а начинали с более лёгкого слова – конфликт) становятся просто статистикой теле и радио информации, о них уже не кричат, как о катастрофах, на столичных площадях, как было при появлении первых таких смертей. Люди привыкают к гибели тысяч солдат во время пустяковых солдатских конфликтов разлагающейся деморализовывающейся армии, привыкают к растущему числу смертей на улицах городов и в собственных квартирах среди белого дня, а тем более, ночью во время разбоев и грабежей. Всё это стало привычной статистикой. Страшная привычка.

Виновников этих фатальных исходов, приводящих к ужасной привычке ощущения безысходности, найти труднее, ибо они так закрыты нескончаемыми ступенями пирамиды, завалены лозунгами и благими пожеланиями, так искренне блестят очками, улыбаясь с газетных полос, что никакой суд (кроме разве суда истории) не в состоянии привлечь их к ответственности за каждую, вызванную их деяниями, смерть. А ведь следовало бы судить поимённо за каждую гибель, каждую поломанную судьбу. Но кого же?

ЖЕНЕВА 1984 ГОДА

Весной этого года Чрезвычайный и полномочный посол СССР Ис-раэлян находился в старинном европейском городке Женеве. Он предоставлял Советский Союз на конференции по разоружению.

Вряд ли кто-нибудь из тех, кто собирался обычно на эту

конференцию, верил когда-либо в серьёзность переговоров, точнее, в возможность решить в конце концов положительно главный вопрос – разоружить землю. Ой, только не надо об этом их спрашивать. Конечно, они скажут, что верят и к этому стремятся. Они же дипломаты.

На самом деле проблема разоружения завязла с самого начала, как мясо в зубах, настолько, что к невозможности её завершения давно привыкли, как привыкает язык выталкивать сквозь зубы застрявшие напрочь кусочки мяса, понимая бесполезность, но продолжая толкать, получая удовольствие от самого процесса, а не от результата, так что, если даже мясо вдруг по случайности выскочит, то будет даже жалко языку и тогда придётся ещё что-то пожевать, чтобы застрял другой кусочек, и у языка будет вновь работа утомительно приятная, постоянная, в любое время, когда ему нечем больше заняться.

Понятно, что людям деньги напрасно не платят. Каждая сторона, участвуя в переговорах по разоружению, умела доказать устами своих полномочных представителей, что она не хочет никаких войн и готова разоружиться хоть сейчас, если разоружатся другие, а эти-то другие как раз и не хотят разоружаться. Но беда в том, что для каждой стороны все остальные всегда другие: Для Соединённых Штатов Америки – Советский Союз и страны соцлагеря, для стран Варшавского Договора, включая, конечно, Союз Советских Социалистических Республик, – все страны блоков НАТО, СЕА-

ТО, СЕНТО, АНЗЮС и другие во главе их военного босса дядюшки Сэма. Для неприсоединившихся ни к какому блоку стран – те и другие. Одним словом, все договаривались о разоружении, продолжая вооружаться.

Израэляну эта ситуация была ясна давным-давно, иначе он бы не работал здесь представителем. Понятно было и то, что основные вопросы решаются вообще не на конференции, а вокруг неё, и многие из них не имеют отношения не только к разоружению, но и к вооружению или просто оружию. Женева являла собой один из политических узлов мирра, где проходили, сплетались и разветвлялись многочисленные нити политических интриг, заговоров, переворотов, больших и маленьких событий.

Когда американский посол в Женеве Льюис Филдс сразу по возвращении из Вашингтона, куда ездил проконсультироваться по ряду вопросов, пригласил Израэляна встретиться в одном из незаметных загородных ресторанчиков, то советскому послу трудно было угадать предмет предстоящей беседы. Не легче оказалась эта задача и во время обеда, который проходил легко, весело, непринуждённо.

Разговор носился вокруг самых разных малозначащих событий и совершенно ничего не значащих замечаний, по которым Израэляну никак не удавалось склеить ответ на главный вопрос: зачем они здесь сегодня? Не устриц же есть, в самом деле. Но беседа, казалось, так и завершалась ничем в

этот вечер, и Израэлян начинал подумывать о расставании, откровенно жалея о потерянном ни на что времени, когда его собеседник по всем правилам детективного жанра предложил немного прогуляться на открытом воздухе.

Оба посла хорошо знали, что всё обсуждавшееся ими на улице тоже можно было издали подслушать и записать, используя высокочувствительные специально направленные микрофоны, принимающие чётко звук за сто и более метров, но всё же сделать это было труднее, чем в ресторане. Тема же разговора могла представляться крайне важной для любой страны, знай только они об этом заранее. Ведь результаты последовавших за тем событий коснулись так или иначе любого государства. Уж очень большое значение для всего мира имело состояние здоровья растущего супергиганта земли – Советского Союза.

Деревья безлюдной аллеи немо свидетельствовали тихий разговор двух.

– В Вашингтоне хотели бы установить серьёзный деловой контакт с кремлёвским руководством, – начал Филдс. – И вице-президент Буш готов встретиться с одним из новых советских лидеров во время своего визита в Женеву. Но встреча эта должна быть строго конфиденциальной.

Израэлян задумался. Страна ещё не забыла внезапно ушедшего из жизни после непродолжительной болезни Юрия Андропова. Руль власти в его руках продержался совсем недолго. Сейчас на капитанском мостике страны Чер-

ненко. Что же и он недолог?

Вспомнился беззлобный анекдот, родившийся вскоре после смерти Брежнева.

Леонид Ильич, чувствуя, что скоро оставит этот мир, решил подготовить себе преемника. Имея в виду три кандидатуры, вызвал сначала Черненко и спрашивает:

– Вот если тебя назначим после моего ухода, как ты думаешь, пойдут люди за тобой?

На что Черненко ответил:

– Народ, уверен, пойдёт, а армия – не знаю.

Вызвал Брежнев Устинова и задал тот же вопрос.

Министр обороны ответил:

– Армия точно пойдёт за мной, а как народ – не знаю.

Третьим был вызван Андропов и на заданный вопрос ответил уверенно:

– Люди за мной пойдут. А кто не пойдёт за мной, пойдёт за тобой. Анекдот намекал на тот факт, что Андропов пришёл из органов госбезопасности и потому по прошлому опыту может начать репрессии. Фактически этого не произошло да и не могло произойти, поскольку именно при Андропове, стоявшем тогда во главе охраны самых главных секретов государства, производилось раскрытие дел незаконно репрессированных.

Зато сам Андропов действительно вскоре последовал за Брежневым. Неужели так быстро пришла очередь и Черненко, который ничем особенно новым пока не выделялся в сво-

ей деятельности? Или с ним и хотят наладить контакты, что выглядит абсурдным в таком случае? Подобные переговоры введутся по другим каналам. Нет, тут определённо имеется в виду кто-то другой, и Израэлян спросил:

– Господин Филдс, имеет ли в виду американская сторона, то есть господин Буш, кого-то конкретно из кремлёвского руководства или...?

Но "или", оказывается, не было.

– Господин вице-президент Буш хочет встретиться с Михаилом Горбачёвым, – чётко и коротко ответил Филдс.

Имя не было особенно на слуху, и это озадачило Израэляна. Конечно, секретаря Центрального Комитета партии он знал, как и то, что это самый молодой из членов Политбюро, появившийся в Москве не так уж давно из Ставропольского края и, кажется, по протекции самого Андропова. Но он не казался кандидатом номер один на пост Генерального. Правда, вспомнилось ему, что радиостанция Голос Америки предвещала Горбачёву блестящее будущее и вроде бы называла его в качестве наиболее вероятного претендента на высший пост страны, но то Голос Америки, у которого своя игра, а тут очень серьёзно.

Способствовать встрече сомнительного кандидата с Бушем да ещё конфиденциально могло оказаться делом не только нелёгким, но и чреватым увольнением, понижением и чёрт знает чем, ведущим к концу карьеры дипломата. Так что нельзя было сразу принимать просьбу, но и отвергнуть

тут же не годилось, иначе какой же ты дипломат, поэтому он осторожно спросил:

– А почему вы не хотите сделать это важное предложение о встрече через наше посольство в Вашингтоне или через ваше в Москве? Официальные каналы в данном случае, наверное, лучше, чем действовать через меня?

– Нет, – возразил Филдс, – я привык выполнять данные мне указания. Мне платят за это. Меня попросили поговорить о деле с вами, и я делаю так, как просили. Видимо, так им удобней.

Филдс протеже Буша – об этом Израэлян знал – и потому он точно выполнял волю хозяина.

Что же касается нашего полномочного посла, то разговор, происходивший за городом, долго не выходил у него из памяти, но зашифрован не был и Москвы не достиг в ожидании послом дальнейшего развития событий и они не заставили себя ждать долго.

В середине апреля в Женеву прибыл сам Буш. Его выступление на конференции по разоружению намечалось на восемнадцатое апреля. За два дня до этого поздним вечером на квартире Израэляна в Женеве раздался телефонный звонок. Звонил старый знакомый Садрудин Ага Хан, состоявший, если так можно выразиться, на службе у международного сообщества, выполняя различные деликатные и просто ответственные поручения и просьбы дипломатического характера. Долгие годы находился в окружении Буша.

В потоке ничего не значащих фраз и вежливых приветствий, наконец, прозвучало что-то конкретное, хотя и не совсем понятное:

– Завтра вечером с вами хочет встретиться наш общий друг.

Кого он имел в виду, можно было легко догадаться, и встреча Израэляна с Бушем и Ага Ханом состоялась.

Коньяк, виски, содовая вода, закуска, кофе – весь этот антураж, конечно, был, но как же мало это по значимости с темой разговора, начавшегося сразу после вежливого ухода из комнаты Ага Хана.

– Вашим следующим лидером в стране, – твёрдо без обиняков заявил Буш, – будет Михаил Горбачёв. Нам нужна неофициальная советско-американская встреча с ним. Мы просим вас организовать это мероприятие.

Через неделю предложение Америки было доложено Израэляном лично министру иностранных дел СССР Громыко.

Искущённый во всех видах политических интриг, прошедший полувековую школу истории мировой дипломатии всех ступеней и уровней, постаревший не только от возраста, но и от тяжести переживаний от всего свершившегося при нём и на его глазах, глава советской дипломатии Андрей Андреевич Громыко слушал доклад, не задавая ни одного вопроса.

Ему, как компьютерной машине, куда помимо этого маленького доклада-информации со всех сторон стекались сот-

ни и сотни других говорящих ручейков, подключались линии других источников новостей, приходилось ежедневно всё соединять, сопоставлять, сводить воедино для выработки определённого направления своего поведения, чтобы вдруг не ошибиться, не споткнуться, не оказаться в конце пути у разбитого корыта, и чтобы, как говорил покойный Климент Ворошилов, быть похороненным на Красной площади, а не на задворках истории.

Он молча слушал, глядя в сторону, и продолжал молчать долго всё в ту же сторону после того, как доклад был окончен.

Какие пружины приводились в действие в это время в сложном механизме человеческого мышления? Громыко был большим государственным человеком, но человеком же, а не машиной. Теперь от него зависело так много. Почему? Зачем?

А американцы, наверное, всё просчитали на своих компьютерах. Небось, не одну психологическую версию заложили, учли сотни вариантов возможных последствий такого предложения.

Как просто было в пятидесятом, когда подобную ситуацию даже придумать не пришло бы в голову. Где бы уже тогда искали не только Израэляна, осмелившегося слушать и передавать такие предложения, но и Ага Хана с Филдсом? Достаточно было только шепнуть Сталину, что кто-то ищет повод за спиной и всё. Тут никаких сомнений не было и не

о чем было думать. За его спиной, как за стеной. Боялись Сталина, но врагов – никогда.

А сейчас попробуй, скажи об этой информации только что взявшему бразды правления Черненко. Ну и что он сделает? Разве он хозяин в стране? Разве он властен вообще где-либо в чём-либо? Да он и сам понимает, что нет у него ни власти, ни доверия. Вот Горбачёв, молодой выскочка, тот уверен в себе и прёт в гору, как танк. Явно чувствует поддержку. Но чью?

Неожиданно компьютерная память оживила строки секретного документа, направленного в ЦК КПСС лет семь назад тогда ещё Председателем Комитета государственной безопасности СССР Юрием Андроповым. Строки фотографически проявились и поплыли перед глазами. Сначала название доклада:

"О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан".

Затем поплыли строки текста, отпечатанного на специальной бумаге: "... американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния..."

Строки остановили бег. Громыко рассуждал про себя:
– Агенты влияния. Кому-кому, а министру иностранных

дел не понять этот термин было невозможно. Сколько таких агентов влияния использовалось по всему миру дипломатией? Влиятельные люди всегда являлись источниками информации. Но делать на них ставку? Готовить специальную сеть агентов влияния? Это казалось новым. И эти слова вызвали тогда смехок среди своих при чтении доклада. Думали, что Андропов просто выдрючивается, напуская важность на свой комитет безопасности.

Впрочем, что значит "среди своих"? Кто из них был свой на самом деле? А те, что посмеивались, может, и есть эти агенты влияния и потому пытались всё обратить в шутку?

Перед глазами снова поплыли строки доклада:

"Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ целенаправленная деятельность агенты-уры влияния будет способствовать созданию определённых трудностей внутривполитического характера в Советском Со-

юзе, задержит развитие нашей экономики, побудит вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям".

Громыко размышлял:

Изложенные идеи поражают циничностью и бесчеловечностью. Ведь если всё так и планируется, то удар готовится не только по Советскому Союзу, но и по всему миру. Что значит направить научные исследования крупнейшей державы в тупиковые направления? Да это торможение прогресса целого человечества. Что значит развалить экономику и строй такого государства, как Советский Союз? Это, по сути, приостановить развитие всего мира, не только СССР.

Однако эти строки доклада писал Андропов, которого уже нет в живых. С ним можно было решить, можно было посоветоваться. А сегодня с кем? Агент ли влияния Горбачёв? Но его, кажется, сам Андропов тянул из глубинки. Однако там его могли хорошо представить министру, возможно даже с акцентом на то, что молодой растущий комсомольский в прошлом вожак всегда откликается на просьбы КГБ? Да он и сам мог проявить себя перед высокими чинами. Может, и ещё были причины? Но теперь важно не это. Важно знать известно ли ещё кому-то об этом американском варианте. Наверняка, известно, но кому?

Компьютер головного мозга включился...

На календаре весенними красками проступал апрель тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года.

ЛОНДОН КОНЕЦ 1984 ГОДА

Известие о смерти партийного лидера СССР Черненко будущий Генеральный секретарь мог получить, находясь вместе со своей супругой с неофициальным визитом в Великобритании в гостях у Премьер-министра госпожи Тэтчер, и в этом случае, если бы велось следствие по делу об очередной скорой кончине главы государства, то привлечь подозреваемого уже потому было бы трудно, что алиби было налицо – подозреваемый не находился в это время в стране, где кончалась в это время жертва. Но одно маленькое обстоятельство всё же могло бы уличить, если бы следствие велось – это поведение супружеской пары в Англии. Приглашённые далеко ещё не первые лица в своей стране супруги Горбачёвы в английском королевстве вели себя по королевски, будто хорошо знали, что уже держат всю великую Российскую державу в своих руках, а потому позволяли себе многое.

Выступая, к примеру, в качестве настоящих коммунистов и претендуя где-то на лидерство в мировом коммунистическом движении (всего какую-то неделю назад Горбачёв ярко прочитал доклад "Живое творчество народа" на крупной научно-практической конференции, посвященной вопросам совершенствования развитого социализма и идеологической работы партии) супруги коммунисты тем не менее позволили себе вместо запланированного программой посещения могилы основателя коммунистического движения Фридриха

Энгельса направиться по просьбе Раисы Максимовны Горбачевой осматривать жилые апартаменты госпожи Тэтчер, чтобы, стало быть, примериться к западной роскоши, прикинуть, что можно будет сделать у себя, что б уж никак не хуже.

– Посмотри, Мишенька, какие богатые унитазы. А ванны с подводным массажем просто чудо. Это надо обязательно перенять, – волнуясь, говорила полушёпотом российская супруга.

О, а у Тэтчер, как на грех, такое изумительное кольцо на шее, что бедное женское сердце Раисы Максимовны опять затрепетало:

– Мишенька, ты видишь? Надо обязательно заехать в ювелирный шоп (что на английском языке означает "магазин") и купить такое же кольцо мне. Не могу же я выглядеть дурнушкой, когда мы будем у власти.

Просьба женщины – приказ для мужчины и не прошло много времени, как владелец лучшего ювелирного магазина Лондона показывал советским гостям прекрасной работы кольцо в точности такое же, что было у госпожи Тэтчер, но объясняя при этом, что продать его никак не может, поскольку в Великобритании с её древними, как мир, обычаями не принято продавать украшения такие же, как носит госпожа Премьер-министр.

– Да вы не спорьте, – настаивала упрямо миссис Горбачёва, – а позвоните ей.

На что только не шла в этот раз госпожа Тэтчер, чтобы

ублажить все капризы привередливых гостей, один из которых должен был стать новым главой великой Руси. В ответ на звонок, разрешение продать русским кольцо, было незамедлительно дано.

Владелец магазина по инерции спросил, знает ли госпожа Российская принцесса, сколько стоит такое кольцо, но вопрос был явно неуместен. Когда оплата идёт не наличными и тем более не за личный счёт, вопрос о цене даже неприличен.

А в это время уже могло бы идти в Англию долгожданное сообщение о том, что место Генерального свободно, так что тут уж никак нельзя было отставать от Запада пусть сначала в безделушках, стоящих целое состояние, а позже и во всех остальных вопросах, чтобы Джордж Буш, которого мы уже вспоминали, мог смело сказать на пресс-конференции в том же Лондоне, но уже в 1991 году после встречи "Большой Семёрки":

– Горбачёв дал необратимое обязательство, и я бы хотел, чтобы курс, на который вступил он и другие республики, был бесповоротным. И с нашей стороны существует решимость помочь дальнейшему осуществлению реформ всеми практически возможными способами. Поскольку эти реформы не являются только внутренним делом. Советский Союз продвигается в направлении демократии и действительно продемонстрировал реальную заинтересованность в ней. Это рынки, это капитализм... Я думаю, что он понимает, что у них в данный момент смешанная экономика, однако, откровенно

говоря, мы разъяснили, что чем скорее произойдет переход к полной приватизации и частной собственности в сельском хозяйстве, тем лучше".

Однако эти слова с упором на "Горбачёв дал необратимое обязательство", "Это рынки, это капитализм", "Он понимает" и "мы разъяснили" были совершенно недопустимы для произнесения вслух и никак не могли прозвучать, хотя имелись в виду, в те дни, когда чета Горбачевых счастливая неслась, как на крыльях, из Лондона в Москву, согреваемая теплом драгоценного колъе, навстречу своему звёздному часу.

Нет, Черненко к тому времени ещё не умер. Прошло ещё три с лишним месяца прежде чем это произошло.

МОСКВА АПРЕЛЯ 1985 ГОДА

На заседании Пленума ЦК КПСС с предложением об избрании нового Генерального секретаря партии выступил Андрей Андреевич Громыко:

– Товарищи! Мне поручено внести на рассмотрение Пленума ЦК КПСС предложение по вопросу о кандидатуре Генерального секретаря ЦК. Единодушно Политбюро высказалось за то, чтобы рекомендовать избрать Генеральным секретарём Михаила Сергеевича Горбачёва.

Разлившиеся в тишине шумящим потоком аплодисменты были эхом уходившей старой привычки (о чём ещё никто не догадывался) аплодировать всегда, когда радуешься тому, чему аплодируешь, и когда не радуешься этому, но аплодируешь потому лишь, что все так делают, и нельзя показать,

что ты другой и думаешь иначе, и не хочешь выбирать того, кому сейчас аплодируешь, нельзя показать каков ты на самом деле, чтобы не убрали тебя с твоего поста, с твоей зарплаты и из насиженной тёплой комфортабельной квартиры.

Может так быть, что кто-то рядом – впереди, сзади, слева и справа – тоже так думают и тоже не хотят аплодировать, может даже все не хотят, а в тайне надеются на других, что те не станут вдруг хлопать, но ведь кто их знает – вдруг будут, а первым выскочить и проиграть никто не осмелится и потому под гипнозом власти одного аплодировали все.

А стареющий, пока министр и не более того, Громыко продолжал произносить заздравную речь, и его трудно было обвинить в неискренности, когда с несомненным знанием дела он пророчески излагал:

– Мы живём в таком мире, когда на Советский Союз навешены, фигурально выражаясь, разные телескопы, и их немало, – и большие и малые, и на близком расстоянии, и на далёком. И возможно, больше на далёком расстоянии, чем на близком.

Говоря это, Андрей Андреевич имел в виду Буша. Ему так хотелось закричать, чтобы всех проняло, чтобы все услышали и поняли, что это его, Буша, телескоп приблизился из-за океана к самому окну зала заседаний и теперь разглядывает именно его маленькие очки, очки Громыко, его нос и его губы, произносящие напечатанное крупными буквами выступление.

Хотелось кричать, но он молчал об этом и продолжал говорить прямо в телескоп о том, что делают эти наблюдатели. Говорил весьма осторожно, как и положено дипломату:

– И смотрят: как бы это в конце концов в советском руководстве найти какие-то трещины. Я заверяю, что десятки и десятки раз мы были ознакомлены с соответствующими фактами, наблюдали их. Если хотите, были свидетелями разговоров, гаданий шёпотом, полушёпотом: кое-где за рубежом жаждут увидеть разногласия в Советском руководстве. Конечно, это появилось не сегодня и не вчера. На протяжении многих лет наблюдается это явление. Единодушное мнение Политбюро: и на сей раз мы, Центральный комитет партии и Политбюро, не доставим удовольствия нашим политическим противникам на этот счёт.

"Мы были ознакомлены с соответствующими фактами", "за рубежом жаждут увидеть разногласия", "На протяжении многих лет наблюдается это явление", "и на сей раз мы... не доставим удовольствия"... Неужели многоопытный Громыко не поверил год назад Израэлянцу? Или его переубедило выступление самого Горбачёва в декабре прошлого года, когда тот с запальчивостью комсомольца и жаром оратора обличал капиталистический строй:

– Рядясь в тогу защитников гуманизма и прав человека, идеологи капитализма пытаются навязать социалистическому миру нормы и стандарты чуждого нам образа жизни, подорвать возвышенные гуманистические идеалы, без кото-

рых сама жизнь и деятельность человека теряет свой смысл. Они хотели бы привить обычаи и вкусы, господствующие в буржуазном обществе, "разрыхлить" сознание людей, сделать его восприимчивым к мелкобуржуазным идеям и мелким пустым соблазнам, к индивидуализму, мещанскому накопительству, идейной и культурной всеядности.

Эти слова и гнев против капиталистов могли бы подкупить иск-ренностью, если бы не то, что сразу после произнесения этой речи Горбачёв поехал в Англию, где ярко проявил свою полную восприимчивость к мелким пустым соблазнам, мещанскому накопительству и культурной всеядности.

Громыко не мог не получить об этом сведения. Стало быть, он не верил Горбачёву. Но тогда что? Испугался? Поэтому теперь лишь иносказательно говорил о телескопах из-за далёкого далека? Да, слова о них были пророческими. Телескопы оказались сильны, а трещины в партии слишком заметны. Как важно было самим их пораньше увидеть и говорить о них, не боясь потерять кресло под собой.

Но речь о том не шла. Всё ещё министр, но без пяти минут гораздо выше, Громыко, хваля Горбачёва, одобрил попутно, не замечая, действия Политбюро, а значит и самого себя, как его члена, и продолжал таким же ровным безэмоциональным голосом, подходя к концу:

– Так что вывод, который сделало Политбюро – правильный вывод. В лице Михаила Сергеевича Горбачёва мы име-

ем деятеля широкого масштаба, деятеля выдающегося, который с достоинством будет занимать пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Хотелось бы выразить уверенность в том, что, как и Политбюро, Пленум ЦК единодушно поддержит и одобрит внесенное предложение.

И опять рассыпались, как горох из прорванного мешка, аплодисменты.

Выбор был сделан. Новая эпоха началась.

Через пять месяцев Громыко был назначен Председателем Президиума Верховного Совета СССР в знак признательности за правильный выбор. Но это назначение было последним и очень коротким. Выбор помог поднять зарплату и кресло на ступеньку выше, но не продлить жизнь. А что же важнее человеку?

Тем временем бездонный кувшин речистых выступлений нового главы государства пролился нескончаемым потоком длинных тирад на съездах и пленумах, совещаниях и встречах, обедах и приёмах, гипнотизируя миллионы слушателей повторением одних и тех же, но словно заряженных атомами, слов: "Вперёд!", "Всё по-новому", "Конкретно", "Хватит разговоров", "Пора наращивать", "Пришло время действовать", "Ускорение", "Перестройка".

Не важно, что все эти слова были давно известны, а слово "Пере-стройка" звучало ещё в двадцатые годы. Важно было повторять старые слова с такими эмоциями, с таким чув-

ством, чтобы они казались впервые звучащими. И главное было повторять их как можно чаще.

Всего через полгода словесного творчества, называвшегося руко-водством страной, был готов и издан солидный сборник избранных речей и статей Генерального, куда не вошли почему-то многочисленные ре-кламные встречи на улицах, у проходных заводов, где как бы случайно остановленный народом лидер будто запросто беседовал с простым людом по одной схеме:

Горбачёв: Здравствуйте, товарищи! Ну, я вижу погода сегодня хорошая. А настроение как у вас? Как и погода, тоже хорошее? Это правильно. Это нормально. Главное, чтобы у народа настроение было хорошее, тогда всё получится.

Голос народа: Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

Горбачёв: Я вот сейчас был у вас на заводе (совхозе, фабрике и так далее). Встречался с рабочими (соответственно колхозниками, ткачихами и так далее). Хороший у вас завод (ферма, фабрика, предприятие). И народ хороший. Важное дело делаете. Нужное. Есть, правда, трудности, но главное – это не снижать темпов. Ни в коем случае. Тут всё зависит от вас. Правильно я говорю?

Голос народа: Правильно, Михаил Сергеевич, а можно...?

Горбачёв: Я вот ехал сейчас и решил остановиться, поговорить с вами, посоветоваться. Мы сейчас там, у себя, разрабатываем программу перестройки нашей системы управ-

ления, хотим, чтобы всё было лучше, без излишней, знаете ли бюрократии. Сложное это дело – начинать по-новому, но, думаю, справимся. У нас там умные головы сидят – профессора, академики. Хотим, чтобы дело лучше пошло вперёд. Как вы считаете, правильно мы делаем?

Голос народа: Правильно, а если...

Горбачёв: Главное – это не отступать назад. Раз уж начали что-то, тут хочешь-не хочешь, а доводи до конца, иди вперёд. Как говорят в народе: "Взялся за гуж – не говори, что не дюж". Другого пути у нас нет – только вперёд. Правильно я думаю?

Голос народа: Правильно. Можно спро...

Горбачёв: Вот и я так думаю. Тут я с вами полностью согласен – отступать никак нельзя. Иначе мы будем не коммунисты. И никакого нам тогда доверия. А что мы будем за руководители, если нет доверия народа? А вы нам, как я понимаю, доверяете. Но, тем не менее, требуйте, требуйте от вашего руководства здесь на местах быть построже, не расслабляться. Ведь перестраиваться надо всем вместе, а не по отдельности. Вы ведь все за перестройку? За или против? Может, кто хочет назад к старому? Или всем хочется лучше жить? А? За новое или против?

Голос народа: За. Только вот...

Горбачёв: Это я и хотел услышать от вас, что вы нас поддерживаете. Спасибо, что согласны с нами. Рад был встретиться с вами. Это как дополнительный заряд бодрости. А

сейчас, извините, надо ехать. У меня ещё серьёзный разговор с вашим городским руководством предстоит. До свидания, товарищи! Всё нормально.

Голос народа: До свидания, Михаил Сергеевич!

Схема разговора на улице видоизменялась лишь в случае дождя или снега, когда беседа начиналась с того, что дождь к добру и к хорошему урожаю, а снег весёлый и красивый, а стало быть, настроение всё равно хорошее, бодрое, то есть всё нормально.

Иногда кто-то из народа всё же успевал вернуть неделю назад подготовленный и согласованный где надо вопрос, который доходил до ушей лидера. Если заданная тема укладывалась в рамки домашних заготовок, вписываясь в схему, то человек из народа, получал ответ и оказывался с этого момента замеченным прессой, как говоривший лично с Горбачевым.

Между тем народ, если бы его на самом деле хотели спросить и спросили, обязательно бы задал вопросы. Да попробуй, отойди на полшага в сторону и прислушайся к разговору:

– Ну, перестройка-то, ладно. Оно, конечно, нужно. А то воровства развелось на каждом шагу. Што ни начальник, большой али малый, а всё норовит под свою женю тянуть.

– Под какую такую женю?

– Под ту, на которой сидит. Нешто не знашь?

– А-а! Эт точно. Так кто сичас не ворует? Ты штоль не тя-

нешь? Все, кто где может, берут. Это, говорят, Брежнев ввёл такую политику. Если, мол, мешки, к примеру, грузишь куда-то, так из двух один обязательно себе тащишь и так вроде бы правильно, вроде как всем своё достаётся.

– Ну, знашь, тут разница есть. Одно дело я шуруп в цехе взял, штоб полку дома к стене приклепать, другое дело наверху миллион рублей сегодня слимонил, миллион завтра, миллион послезавтра и все в свой карман. Да рази он один там? Их оглоедов полно на верхах сидит. Алялякать-то мы все можем, а вот работать, штоб пот прошиб да совесть при себе оставить, так тут смелых и нетути.

– Вон вчерась нам информатор рассказывал, што Ленин говорил будто социализм – это советская власть плюс государственный контроль, и что без этого контроля никакой социализм не построишь. Так оно точно так и есть. Какой тут, к чёрту, социализм, если все друг у друга крадут, а кому скажи в тот же народный контроль, ты же в дураках и будешь, потому как они все друг другу лапы мажут. А ежели бы не воровали все где ни попадя, у нас бы жизнь совсем другая была.

– Так может он, Горбачёв, и хочет этого?

– Чего-о-о? Нешто он хоть раз сказал об этом? Нешто уже выгнал хоть одного негодяя за воровство? Ты погляди, какие его мордovorоты встречают? Рожи от животов не отличишь – оплыли от жира. Но бог с ними, пусть плывут, ежели им своего здоровья не жалко, только давайте же и другим жить

нормально. А то сами квартиры получают без очереди, ну и это ладно – они начальники, может других таких хороших голов для управления нету, так они же, гады, другим квартиры за взятки дают, а по очереди законной не пускают. Ты тут горбатишься двадцать лет на строительстве или на заводе и хрен тебе, а не квартиру. В лучшем случае что-то плохонькое, как свинюшке.

Нет, я человек справедливый и знаю, что многим рабочим дали квартиры, но сколько же кровей попили за них, не дай бог.

– По конституции, между прочим, всем квартиры положены.

– Так то ж по конституции. Я тебе скажу, а ты меня слухай. Конституция у нас прекрасная, если бы только исполнялась, как написано. Но эти алялякалы думают только, как хорошо выступить да всё, што происходит объяснить получше. А вот сделать так, штоб и правда всем лучше стало жить, так тут, брат, не то што кишка тонка, а просто не те люди стоят у власти. Не до того им.

– А ты бы чево сам сделал?

– Ты, знашь, меня этим вопросом не собьёшь. Не раз спрашивали. Я хотя што и не знаю, а только так тебе скажу, што если кто из этих алялякал чего-то пообещал, да не сделал, ну не сумел – так катись к чёртовой матери, а мы поставим другого. Этот соврал – ево в шею. Нашли бы тех, што раз уж говорят, то делают. А то вон лозунг у нас висит "До-

вольно политической трескотни...", а трещат же все, ажно уши вянут.

– А знашь, почему у нас на должностях хапуги и ворюги сидят, а не те, што о людях думают?

– Потому что все такие?

– Да нет. Хороших людей всегда много, только кто ж их на большую должность поставит? Подумай своей башкой. Если я начальник и ворую, нешто рядом с собой честного человека поставлю? Он же меня несправедного тут же в контроль заложит или просто скинет. Вот ежели бы мы действительно сами выбирали себе руководство, как записано в конституции или в уставе партии, тогда другое дело. Проштрафился – долой! Не получается и учится не хочешь – долой! А то, кого и когда мы по правде выбираем? Я уж столько лет на собраниях и выборах, а не помню, шток проблемы какие были. Кого назначали сверху, того и выпихивали наверх. Система такая твёрдая теперь, што от нас вообще ничего не зависит. Вот в чём перестройка-то нужна.

– Так а вдруг Горбачёв этого именно и хочет?

– Ой нет, брат, нутром чую, что нет. Ты почитай, что он в своих речах говорит. Найди хоть слово из того, што мы тут с тобой разговариваем. Я человек, какой-никакой маленький, а грамотный, внимательно слежу за Горбачёвым по газетам, а ничего такого не вижу. Читаю, читаю, а всё одно – аля-ля и только.

Естественно, простой рабочий, может и недостаточно грамотный, мог не совсем разобраться в потоке речей первого года руководства Генерального секретаря. Может быть, внимательный читатель разберётся в них лучше.

Двадцать третьего апреля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года на знаменитом апрельском Пленуме ЦК КПСС Горбачёв уверенно провозглашал:

– Страна достигла больших успехов во всех областях общественной жизни. Опираясь на преимущества нового строя, она в короткий исторический срок совершила восхождение к вершинам экономического и социального прогресса. Советский Союз ныне располагает мощной, все-сторонне развитой экономикой, квалифицированными кадрами рабочих, специалистов, учёных. По многим направлениям развития производства, науки и техники мы прочно занимаем ведущие позиции в мире.

С этим тезисом нового Генерального вряд ли кто-нибудь даже из зарубежных наблюдателей мог поспорить. Тогда это было азбучной истиной почти для всех. Однако для самого Горбачёва это уже не было истиной первой инстанции. Сам он так не думал, а выступление было обычным камуфляжем. Никто не мог знать тогда, что этот тезис, как и многие другие, является всего лишь ширмой, за которой невозможно угадать настоящих мыслей осторожного шахматиста. И хорошо понимая это, Горбачёв продолжал в том же духе:

– Глубокие изменения произошли в социальной жизни.

Впервые в истории человек труда стал хозяином страны, творцом своей судьбы. (А нам вспоминается разговор рабочих на улице). Гарантированное право на труд и его вознаграждение, забота общества о человеке от его рождения до глубокой старости... – всё это непреходящие ценности, неотъемлемые черты социалистического образа жизни. В них – важнейший источник политической стабильности, социального оптимизма и уверенности в будущем.

Запомним эти слова об уверенности в будущем и его основах. Хотелось ли Горбачёву сохранить эту уверенность людей, которая и правда была? Однако всем это известно и, сознавая это, новый лидер вставляет в свою программную речь будто бы новое философское "но":

– Но жизнь, её динамизм диктуют необходимость дальнейших изменений и преобразований, достижения нового качественного состояния общества, причём в самом широком смысле слова. Это, прежде всего, – научно-техническое обновление производства и достижение высшего мирового уровня производительности труда.

... Мы должны добиться существенного ускорения социально-экономического прогресса. Другого пути просто нет.

Горбачёв был мастером риторики. Каким-нибудь будущим исследователям будет интересно выяснить, кто именно и как обучал его этому искусству. Что же касается простого народа, то ему было никак не до исследований. Его гипноти-

чески давили слова, повторявшиеся с тех пор почти на каждом углу соприкосновения Горбачёва с народом, слова, ничего не значащие сами по себе, но мощные в контексте потока других слов. Например, фраза, нанизанная на стержни всех речей – "Другого пути просто нет".

Никто решительно не понимал, о каком же пути идёт речь. Но самое страшное, что не понимал и не знал этого сам Горбачёв, однако, как заведенная машина он повторял снова и снова, давя на уши, на психику, на сердца – "Другого пути просто нет".

Впрочем, вполне возможно, да что там – даже наверняка – те силы, что подпитывали нового лидера всякими такими идеями, поддерживали его за ножки и спинку кресла, чтоб не упал не вовремя, те силы и разве что уж очень проницательные их оппоненты, пусть и немногие, понимали, что суть предстоящей ломки, катастрофическое изменение всего хода истории страны, выражались, казалось бы, совершенно безобидной фразой Горбачёва, которую он произнёс на Пленуме без особого акцента, но которая повернула всё.

– ...Нужно смелее двигаться вперёд по пути расширения прав предприятий, их самостоятельности, внедрять хозяйственный расчёт...

Нет, конечно, это тоже не было новостью, и Америку тут никто не открыл, так как о хозрасчёте говорили и раньше. Новое оказалось подводным камнем, крившимся в этих словах. О хозрасчёте, который поддерживался буквально все-

ми, предстояло на самом деле вскоре забыть, что и произошло, зато осталась "самостоятельность предприятий", перераставшая из, казалось бы, мудрого совета руководителям "думайте сами" в сначала частичную, а затем полную свободу делать, что хочется и как заблагорассудится, не глядя на других, думая только о себе. Это ли не анархия?

Жизнь – огромное море и, если хотите, безбрежный океан. Каждое государство в нём корабль, плывущий своим курсом. Хорошо, если все корабли будут идти в одну сторону, помогая друг другу, но ой-ой-ой как далеко миру до этого! У капитанов и лоцманов свои навигационные карты, свои большие и маленькие познания в искусстве мореплавания, своя мораль, свои принципы. Одни ведут суда медленно в одном направлении, другие быстро, но кидаясь то вправо, то влево, то возвращаясь назад. Одни идут своим ходом, порой задерживаясь, чтобы подобрать по пути терпящих кораблекрушение, другие пристраиваются к кому-то, третьи пиратствуют, грабя и обессиливая всех встречающихся, укрепляя свою мощь чужими силами.

Но все попадают рано или поздно в штормы и ураганы. Тут-то и проверяются корабли на прочность. Если верит команда капитану, знающему своё дело, если работают все части механизма корабля, как одно целое, если каждый винтик понимает, что хоть он и винтик, а без него не жить всему кораблю, то выплывет, выдюжит, справится судно с любыми тайфунами, любыми цунами и продолжит путь.

Если же на корабле десятки лоцманов, указывающих направление в разные стороны, если каждый матрос будет по-своему завязывать узлы и по-своему понимать указания, если каждый механизм будет работать, как хочется ему, а не всему судну, то даже маленькое волнение моря в несколько баллов развалит посудину или вышвырнет на рифы истории.

Сознавая или не сознавая эти нюансы, Горбачёв, выдвинутый судьбой или же чьей-то волей в капитаны, избрал себе этот последний вариант.

Когда мастерица рукодельница хочет заменить прогнившую нитку красивого ожерелья, она сначала готовит новую нить, а не режет мгновенно старую, позволяя жемчужинам рассыпаться. Она аккуратно удерживает в ладонке бусинки и не торопясь, но верно нанизывает их заново.

Горбачёв начал резать по живому без подготовки. Хорошо зная, что какой-никакой, а контроль в стране существовал и с ним трудно будет дать анархическую самостоятельность, он осторожно произнёс на Пленуме:

– Уж коли речь зашла о контроле, то хотел бы высказать и такое соображение. Проверять надо, контролировать необходимо, и каждая проверка должна приносить практическую пользу, служить интересам дела. Но едва ли оправданы проверки по одному и тому же, порою мелкому вопросу, многочисленные комиссии, которые организуются по формальным соображениям, отрывая людей от работы, создавая обстановку нервозности.

Кто-то мог подумать, что речь здесь идёт о благе народа, о том, чтобы он не занимался лишней работой, чтобы кого-то не мучили ненужные комиссии. А вышло так, что тот, кто хотел, воспринял сказанное, как команду к ликвидации контроля. Слова, прозвучавшие с самой главной трибуны, и последовавшие затем действия начали медленно, постепенно, но очень настойчиво съедать ржавчиной недоверия сложную систему контроля навигации, управления кораблём. И он заплетял в открытом океане.

Суета сует. Все эти словеса, напрочь закрывавшие истинные устремления заурядной, алчущей всего лишь славы и богатства души, выскакивавшие изо рта, чтобы уже не быть пойманными и спрятанными назад, разлетавшиеся с трибун и печатных полос газет, журналов, многочисленных книг, пришли чуть попозже. А сначала был довольно холодный обычный для Москвы мартовский день, когда на Красной площади по давно установившейся традиции хоронили очередного ушедшего из жизни руководителя партии и правительства Константина Устиновича Черненко.

МОСКВА МАРТА 1985 ГОДА

К центру города, но разумеется не к самой Красной площади, подъезжали большие преимущественно венгерского производства автобусы и, мрачно шипя раскрывающимися дверями, выдыхали из себя рабочих и служащих, студентов и школьников, издавна привыкших к массовым мероприятиям, и одинаково весело относящихся как к очередным про-

водам в потусторонний мир давно состарившихся руководителей самого высокого ранга, так и к различного рода митингам протеста против агрессии американцев или китайцев в отдалённых уголках земли, о которых им мало что было известно, но к которым нужно было как бы неофициально выразить чувства народа, для чего участникам выдавались за ближайшим углом бутылочки с чернилами и другими красящими веществами будто бы случайно взятыми, чтобы в порыве народного гнева стихийно бросать их, разбивая о стены посольских зданий. Иногда процессии проходили без бутылочек, но с лозунгами, написанными тоже будто бы стихийно от всей души.

В этом отношении жители Москвы и ближнего Подмосковья бесспорно обретали совершенно уникальный опыт массовых выражений чувств сострадания и горя на похоронах, восторга (порой правда и негодования) при организованных встречах руководителей зарубежных государств, к которым необходимо было проявлять соответствующее отношение, отвечавшее определённому моменту политических баталий, в которых массовки на улицах являются не столько результатом политической активности народа, сколько одним из блюд закулисной кухни большой политики. Такого богатого опыта в объединении душ по разным поводам нет и не могло быть ни в одном городе страны советов. Это ещё одно из специфических условий, делавших москвичей несколько другими, отличающихся от всех остальных жителей гигант-

ского государства.

По давно установленному порядку центральные станции метро в такие дни для выхода через них закрывались, и поэтому Настенька встретилась со своими подружками Викой и Наташей на Пушкинской площади у магазина "Наташа" по одной простой причине – всем было так удобней.

Вика жила на Комсомольском проспекте в том самом здании, в котором находился Салон красоты и откуда очень легко без пересадок можно было добраться до Пушкинской на троллейбусе.

Квартира Настеньки располагалась в Ржевском переулке совсем рядом с проспектом Калинина в старинном здании, от которого можно было, скажем, по улице Воровского добежать до Арбатской площади и сесть на тот же троллейбус, которым добиралась Вика, а можно было и проще – сесть почти у самого дома на автобус и напрямик на Пушкинскую. Настенька же предпочитала особенно в праздничные дни, как и в часы пик, ходить по возможности пешком, ибо пятнадцать минут пути для молодой девушки не казалось расстоянием.

Что же касается Наташи, то ей в этом смысле повезло куда больше, поскольку она жила почти у самого магазина "Наташа", почти у самой площади, а если совсем точно, то напротив библиотеки имени Некрасова, или Некрасовки, как её называют читатели, куда девочки часто забегали за книжками и посидеть позаниматься, потому что там было тихо,

там можно было почти всё найти, там была рядом недорогая столовая, где имелась возможность быстренько перекусить, если не хотелось подниматься на третий этаж к Наташе и надолго расслабляться, попивая кофе в комфортных условиях небольшой, но уютной квартиры, доставшейся Наташе в наследство от бабушки.

Однако именно потому, что Наташа жила ближе всех к месту встречи, она выбежала к подружкам последней, заставив их прождать минут десять после назначенного времени, так что Вика и Настенька направились, было, к ней домой, чтобы силой поднимать вечную копулю (так называли её между собой подружки) когда она вынырнула из-за киоска союзпечати и на возмущённые возгласы подруг резонно заметила, что не на праздник собрались, а на похороны, куда спешить вообще не следует.

Организатором мероприятия являлась, конечно Вика, как и полагалось комсоргу студенческой группы. Она всем говорила, что пойти на похороны надо обязательно, чтобы не было неприятностей, которых и без того хватает.

Что ж, надо так надо, дело привычное, тем более в последнее время, когда что ни год, то проводы на Красной площади. Хотя в этот раз похороны ещё одного из старой гвардии, казались не совсем обычными, не такими как раньше. Удивительным показалось, что никакой прежней строгости со стороны руководства с привычными угрозами за неисполнение, неявку и так далее не замечалось. Так что Вика по инер-

ции предыдущих похорон говорила о возможных неприятностях. Вообще же студентам разрешили самим добираться до Красной площади, не очень организовываясь, что выглядело весьма странным.

Люди шли по улице Горького не большими стройными колоннами, как раньше, а разрозненными небольшими группами, парами и поодиночке. Ещё больше девушки были удивлены, подойдя к Манежной площади.

– Любопытно, – проговорила Настенька, отрывая подруг от разговора о недавно открывшемся новом косметическом салоне, – неужели все просто так заходят на Красную площадь? Ни пропусков не видно ни у кого, ни кордонов милиции, ни колонн.

– Я тоже думала, что нас тут выстраивать будут, – согласилась Вика. – Нам так неопределённо говорили, что трудно было понять, как всё организовывается.

– Девчонки! – Возмущённо затараторила Наташа. – Тут вообще какая-то чехарда. Народу набилось, как на толкучке. Может, не пойдём туда вовсе? Рванём лучше ко мне, а? Что мы здесь потеряли? Кофейку попьем...

– Нет уж, пришли, так посмотрим. Всё-таки историческое событие. Как ни как, хоть и недолго, а был главой государства, – как всегда рассудительно и безапелляционно заявила Вика.

– Тем более, что реформу образования при нём начали, – довольно мрачно добавила Настенька. – Теперь детей будем

не с семи лет учить в школе, а с шести. Вот уж спасибочки!

— А что тут такого? Сегодня и так многие стараются пропихнуть своих детей с шести лет в первый класс. Малыши такие умные пошли, что хоть с пяти лет начинай учить. А я бы с двух лет брала, — сказала Наташа и звонко рассмеялась. — Ау да уа — это они у меня быстро научатся писать. И по-английски сразу заговорят: Хэллоу, папа, дай жевачку.

— Вот именно "дай", — ещё недовольнее буркнула Настенька. — Ты думаешь, их в детском саду ничему не учат? Не знаешь что ли, что и английский там стали преподавать. Многие к приходу в школу уже читать, писать и даже считать умеют. Фактически детский сад — это та же школа, только называется иначе. И вместо того, чтобы вложить деньги и улучшить условия обучения в детских садах, усовершенствовать их программы, мы начинаем всё вообще переделывать. А зачем спрашивается? Чтобы ухлопать гораздо больше денег, а результаты получить с минусом.

Ты прикинь сама: теперь каждой школе нужно больше помещений, учителей, воспитателей, техники сколько новой и при этом добавляется учебный год. Отсюда элементарно сделать вывод, что часть работы детского сада, то есть целый год их жизни перекладывается на плечи школы. Но во имя чего, я спрашиваю, когда всё то же можно вложить в головы детей в старшей группе детского сада? Зачем, интересно знать, нам копировать зарубеж? У них несколько иная система, но суть-то та же. У нас даже во многом было лучше. Не случайно же

американцы многое переняли у нас в вопросах обучения.

Наташа, смеясь, обняла Настеньку за плечи правой рукой, а ладонью левой зажала подруге рот, говоря:

– Всё-всё-всё. Поехала Настенька – не остановишь. На нас уже все смотрят. Сейчас ты тут целый митинг откроешь по своей теме, но в данном месте сегодня без тебя выступающие найдутся.

Вика шла чуть впереди, осматриваясь по сторонам, пытается найти в толпе идущих кого-нибудь из руководства института. Наташа с Настенькой едва поспевали за нею, пересекая Манежную площадь. На Красной площади пробиться к мавзолею Ленина уже было невозможно.

Да, всё казалось совсем не так, как в феврале прошлого года, когда хоронили Андропова, не так, как при других похоронах. Тогда все подходы к Красной площади перекрывались несколькими рядами милиции и солдат. Десяткам людей в штатском и военным нужно было показывать пропуск, если он был. Все остальные проходили только в колоннах, тянувшихся длинными ручьями и разделёнными между собой ровными двойными, тройными рядами служащих Министерства внутренних дел. Людские потоки могли соединиться лишь за пределами Красной площади. ГУМ и все учреждения поблизости закрывались в такие дни заблаговременно. У всех окон ГУМа, особенно выходящих на Красную площадь, у каждой двери выставлялась охрана из надёжных людей. Приходившие на площадь, не подозревая то-

го, находились ежесекундно под пристальным наблюдением сотен глаз, видео, кино и фото камер. Ни одно подозрительное движение не могло ускользнуть от внимательного взора охраны.

Такой порядок отрабатывался годами отнюдь не только в целях безопасности одного человека – главы государства, живого или уже почившего, но и с целью обезопасить главную площадь страны от любых скандальных происшествий, недоразумений, непочтительности в любые дни, а не только во время крупных мероприятий. По жизни Красной площади весь мир судил о жизненной силе России. Площадь являла собой сердце, по ритму биения которого можно было определять здоровье страны, здоровье её народа.

В хаосе, царившем в этот мартовский день на Красной площади, в непонятной сутолоке и неразберихе виделся Настеньке символ чего-то нехорошего, грозящего всем и ей лично.

– Девочки, – почти прошептала она, – у меня такое впечатление, что дом, в котором мы живём, начинает рушиться. Это какой-то кошмар. Чем это всё для нас кончится?

– Да брось ты, Настенька, пугать. Как было, так и будет. Никто нас не согнёт, ничто нас не сломает. – Патетически произнесла Вика. – Стоял один человек во главе, теперь другой встанет. Какое имеет значение кто? Брежнев был вроде ни то ни сё, а смотри ж ты, почти два десятка лет просидел в кресле. А почему? Да потому, что от него мало что зависело.

Он, по сути, не представлял из себя великую личность и, по-видимому, мало на что влиял в политике. Другие работали, а он лишь предоставлялся. Речи читал он, а писали-то другие. Такова у нас система коллективного руководства. Думаю, что и теперь так будет. Выберут ещё кого-то, да уже и выбрали, наверное, а работать всем придётся.

– Вик, – Настенька с некоторых пор стала называть подругу либо коротко, как сейчас, либо ласковее – Викочка, но никогда не звала Викой, что казалось ей слишком официальным и сухим. – Вик, я понимаю, что будет кто-то другой, но посмотри, что делается. Разве когда-нибудь в серьёзных случаях такое творилось на Красной площади? И милиции полно, и кого хочешь, а порядка никакого не видно.

– Ну, всё, замолчи, – прикрикнула Наташа. Вон кто-то уже говорит в микрофон. Может, сейчас узнаем, кто стал главным.

Траурный митинг начался. Говорливая шумящая площадь постепенно стихла, настраиваясь на один голос, разносящийся десятками мощных динамиков до слуха каждого, стоящего на площади и далеко за её пределами.

Тысячи людей в этот момент практически впервые услышали этот голос, который будут потом узнавать не только по тембру, но и по характерным фразам, интонациям, сопровождающимся столь же характерными отрепетированными движениями рук, узнавать не только в исполнении обладателя, хозяина голоса, но и в интерпретации его многочислен-

ных профессиональных и самодеятельных пародистов.

Но это потом, а сейчас его слушали на площади и многие даже не расслышали или не запомнили фамилию Горбачёв. Понимали лишь одно, что сильный моложавый голос не выражал искреннего сострадания, которое могло идти из глубины души, когда расстаёшься с действительно близким тебе по духу человеком, товарищем по партии, по совместной борьбе за общие идеалы.

Голос говорил дежурные фразы, от которых веяло, не смотря на артистизм произношения, холодом бездушия. Фразы, написанные кем-то другим, несколько лишь переделанные с других выступлений по таким же случаям, не могли звучать искренне. шедший всего два дня назад человек для говорившего с трибуны как бы не был человеком вообще, а лишь символом, о котором по этикету надо было сказать хорошо, поскольку о покойниках плохо не говорят.

Голос говорил об ушедшем символе, а другой, внутренний голос того же человека, словно пел уже о той жизни, которую начнёт завтра, нет, уже начал сегодня, вчера или...

Внутренний голос полагал, что его в микрофон не слышно, ведь он говорил глубоко внутри. Но люди, которые привыкли слушать голоса, научились распознавать за звонкими кричащими нотами лозунгов и штампов глухие низкие утробные внутренние голоса себялюбцев. Сегодня он ещё не говорил своих знаменитых потом фраз. Сегодня он говорил не о себе, а о нём, ушедшем:

– Как зеницу ока берёт Константин Устинович Черненко единство коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплочённый, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог успехов, преодоления недостатков, залог поступательного движения вперёд.

Настенька слушала сухие, как опавшие осенние листья, слова голоса коммуниста о своём товарище и вдруг вспомнила строки, написанные поэтом не коммунистом Есениным о создателе коммунистической партии Ленине после его кончины:

*Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...
Шуми и вей!
Крути свирепей, непогода,
Смывай с несчастного народа
Позор острогов и церквей.*

– Странно, – думала Настенька, – почему это так, что пре-

красные строки Есенина о Ленине почти никогда не слышишь с эстрады? Часто читают Маяковского, что, само собой, хорошо, но и Есенин написал по-своему чудесно, и она продолжала вспоминать строки из поэмы "Гуляй-поле":

*И вот он умер. Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, большие нет.*

*Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.
Для них не скажешь:
"Ленин умер!"
Их смерть к тоске не привела.
Ещё суровой и угрюмой
Они творят его дела...*

Нет, эти слова не были данью моде. Они не писались в стремлении получить Ленинскую или какую другую премию, а то и высокий пост в Союзе писателей. Это были стихи от сердца. Стихи человека, по-настоящему скорбившего о громадной потере для всего человечества и для него лично.

– О Ленине написано много, – думала Настенька, – и мно-

го искренне. О ком ещё так писали? Любимым пишут от всей души, поэты – своим друзьям, о народных героях складываются песни сами собой. По искренности написанного можно судить в значительной мере о предмете поклонения.

Например, о Сталине написано великое множество стихов и очень немало совершенно искренних. Верили и было во что. Даже сегодняшний знаменитый Евгений Евтушенко написал когда-то о Сталине хорошие стихи. Правда, сегодня он, кажется, извиняется за них или что-то в этом роде.

Зато о других руководителях Советской страны вообще никаких произведений вспомнить нельзя, кроме разве их собственных докладов. Обмельчали люди что ли? Ни при жизни о них не пишут, ни после. Да и что писать, если ничем они не жертвуют ради народа и думают-то скорее не о нём, а о том, как усидеть подольше в кресле и побогаче составить капиталец?

Настенька любила стихи. Глядя издали на мавзолей, с которого произносились слова, уже вовсе не доходившие до её сознания, она вспомнила ещё одного известного советского поэта Андрея Вознесенского, которого ей довелось целых два раза слушать, как говорится, живьём и который тоже вроде бы не коммунист, но очень интересно писал о Ленине в поэме "Лонжюмо".

Ей многое не нравилось в поэзии Вознесенского и прежде всего слишком частое отсутствие искренности в стихах, стремление писать ради сенсации, а не по велению души,

любовь к архитектурным построениям стихов, что тоже делалось ради сенсационной формы, а не для лучшего выражения или понимания мысли.

Когда среди студентов возникали стихийные споры о Вознесенском, девчонки начинали возмущённо кричать:

– Да ты что, Настя, это же Вознесенский! А ты кто? Что ты его критикуешь?

А Настенька упрямо возражала:

– На меня авторитеты сами по себе не действуют. На меня может влиять искусство, его лучшие творения, а не имена. Да, я люблю стихи Вознесенского, его рифмы, фантастические сочетания образов, но всё принять не могу. Поэзия должна быть искренней всегда, а вы вспомните поэму Андрея "Лёд", которую он посвятил погибшей во льдах девушке. И что вы там видите? Вместо настоящей любви, вместо сострадания по юной душе, погубленной из-за чьего-то равнодушия, о чём и нужно было писать, вместо слёз, которые обязательно почувствовались бы у Есенина и передались бы читателю, мы наблюдаем, как поэт упражняется в составлении фигуральных льдинок из слова "лёд", повторенного бесчисленное множество раз. Ведь известно, что сколько ни повторяй слово "сахар", во рту от этого слаще не станет. И потому, читая поэму "Лёд", холодно становится не от повторений слова "лёд", а от холодного отношения к трагедии самого поэта, который в поэме думает не о погибшей девушке, а о себе, о своём стихотворчестве, будет ли оно сенсационным.

Такую поэзию я принять не могу.

И всё же многое у Вознесенского Настеньке нравилось, а потому поэму "Лонжюмо", вернее отрывок из неё о Ленине, она даже читала на студенческом вечере. И сейчас эти строки наплывали на неё, растворяя перед глазами всё окружающее, оставляя лишь кучку спорщиков, которым она чётко и уверенно бросает восклицательными знаками слов Вознесенского:

Врут, что Ленин был в эмиграции.

(Кто вне родины – эмигрант.)

Всю Россию,

речную, горячую,

он носил в себе, как талант!

И финал – удивительно верный и, наверняка, искренний – не на публику, а выстраданный всей жизнью вопрос, который хотела бы и Настенька задать Ленину, если бы он был жив:

Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин:

"Скажите, Ленин, мы – каких Вы ждали,

Ленин?!

Скажите, Ленин, где

победы и пробелы?

Скажите – в суете мы суть не проглядели?.."

"Скажите, Ленин, в нас идея не ветшает?"

И Ленин

отвечает.

На все вопросы отвечает Ленин.

Вот только что же он отвечает, поэт не написал. Видимо побоялся тогда в шестьдесят третьем году написать, что Ленине совсем таких нас ждал. А может написал, да не напечатали? Впрочем, почему нет таких? Может, много есть и таких, каких Ленин хотел бы видеть", – говорила себе мысленно Настенька, – я, например, не такая. Спросила бы я его, а он бы ответил: "Нет, милая девушка, вы ещё многого не понимаете и ничего ни для кого не делаете. Нет, вы не такая". И пришлось бы конечно согласиться. Дала, правда, раз по морде человеку за хамство, но и только.

Настенька вспомнила о Вадиме. Больше года он не появлялся в институте, и девушка думала, что уже никогда с ним не встретится после злополучного свидания в ресторане, а тут на тебе – объявился на зимней сессии.

Встретились случайно в коридоре, когда Настенька выходила из библиотеки. Увидев его, она от неожиданности выронила стопку книг, набранных для следующего семестра, а он естественно стал их поднимать. Не оттолкнёшь же.

– Извините, – говорит, – я помогу. Тут многие спотыкаются – темновато в коридоре.

Настенька и не спотыкалась вовсе, но спорить не стала,

забрала книги, буркнула "спасибо" и ушла. Потом стала замечать, что время от времени он пытается к ней "подкатиться" и втянуть в разговор, но она всякий раз его обрывала, отвечая, что очень торопится. А перед самым восьмым марта в целях большей безопасности от притязаний Вадима Настенька попросила своих однокурсников Олега и Юру быть её телохранителями, что они выполняли с большой охотой, ибо сами давно мечтали об этом, и потому всюду следовали по институту за своей прекрасной дамой, готовые в любой момент силой оттеснить любого, кого она не хотела бы видеть рядом. Так что Вадиму не удавались попытки хотя бы просто поговорить с девушкой. Она была непреклонна.

С трибуны мавзолея кто-то продолжал говорить. Вика Наташа и Настенька стояли у самого угла ГУМа, откуда почти ничего не было видно из-за многочисленных голов, покрытых тёплыми шапками, которые далеко не все решались снимать на всё время митинга в такое холодное время. Начало марта в Москве редко радуется тёплой весенней погодой. Не радовало и в этот день.

Но Настеньке не надо было видеть, что пряталось за головами. Она могла представить всё. Много раз она бывала здесь то с дедом и бабушкой, то с мамой и папой перед их отъездом в командировку за границу, то с приезжавшими время от времени гостями, показывая им столицу. Да и когда просто прибегала за чем-то в ГУМ, любила всякий раз

хоть на минутку выйти на булыжниковую брусчатку Красной площади. И не уставала смотреть, если было время, на смену часовых у мавзолея. Красивые, стройные, с лицами, не реагирующими ни на какие внешние эффекты, как автоматы, но очень всё-таки живые при этом, часовые гордо печатали свои двести десять шагов, выверенных до секунды, чтобы встать на главный пост страны точно по ударам Курантов – главных часов государства.

Здесь, на площади, всё было главным, всё подчинялось строгому порядку, вселявшему уверенность в том, что пока этот порядок существует, гордое государство будет жить спокойно.

Нет, конечно, Настенька не была идеалисткой и прекрасно знала обо всех дырах в золотом кафтане страны. Она понимала, что много, ну очень много нужно ещё сделать, много ломать и строить, воспитывать и перевоспитывать, чтобы стало когда-нибудь так, как мечтается. Тысячи праведных идей проходят через неправедных исполнителей. Тысячи кривых зеркал искажают суть задуманного. Но миллионы и миллионы тружеников-муравейчиков миллиметр за миллиметром, исправляя искривления, строят свой муравейник. А раз строят, то конечно же построят наконец. Если бы не верили и начали расползаться в разные стороны, то тогда точно не построили бы ничего, и залило бы их ливнями, разнесло бы ветрами, и перестали бы жить муравьи на земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.